

Менк и крoвe

ΚΟΡΦΛΗΒΑ ΓΟΗΥ/Χ

Literary Yandere

18+

Literary Yandere

Шелк и кровь. Королева гончих

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69176497

SelfPub; 2023

Аннотация

Мало кому что-то может сказать имя «Ребекка Лавчайлд». Немногие его слышали, и никто не пытался запомнить. Но ее запах забыть невозможно. Хоть многие пытались. Говорят, она ведьма. Говорят, она шпионка. Говорят, она сирена и демонесса-соблазнительница. Говорят, она... лучшая в этом. Она отвечает: «Врут.»

Содержание

Предисловие	5
Глава первая. Лавчайлд	7
Глава вторая. Губы ее – цвета «Ад»	17
Глава третья. Отравленные губы и секреты	33
Глава четвертая. Дым и зеркала	53
Глава пятая. Все проклятия троются	61
Глава шестая. Лучший выбор	81
Глава седьмая. Укрощение строптивой	92
Глава восьмая. Конец	110
Эпилог	119

Literary Yandere

Шелк и кровь.

Королева гончих

Все имена, персонажи и события романа вымышлены. Любое совпадение с реально существующими людьми, объектами, событиями случайно. Текст представляет собой художественное произведение, автор не поощряет, не оправдывает, не одобряет и не поддерживает взгляды и действия, которые так или иначе отражены в тексте. Если вы затрудняетесь с отделением реальности от вымысла, пожалуйста, воздержитесь от прочтения.

Осторожно! Содержит сцены жестокости.

Начиная от названия и имен главных героев, в тексте даются аллюзии на рассказы Джеймса Хэвока:

Квинн – герой рассказа Джеймса Хэвока «Тринадцать». Там же звучит фраза «Кому нужен король без его королевы?».

Королева гончих – упоминается в рассказе Хэвока «Сифилис освобожденный».

Лавчайлд – героиня рассказа Хэвока «Венерин глаз».

Предисловие

В этом сезоне в моде сине-серые оттенки. Все дамы в зале одеты, как на подбор, в платья, разнящиеся только фасоном. Впрочем, из-за некоторой близорукости Гарольд не может в деталях рассмотреть ни одно. Да и не хочет. Обои светло-серые, с серебряными цветами на них, шторы на окнах – стальные, и Гарольду кажется, что он на подводной лодке. Ему начинает не хватать воздуха. Он делает глоток шампанского, успевает подумать, что хозяин мог бы расщедриться на более дорогое, и в изнеможении опускается на диван. Теперь ему кажется, что он тонет. Хочется рвануть воротник, ослабить галстук... но надо держаться. Надо держаться.

Она вступает в зал, и ее алое платье разъедает толпу. Серые люди отшатываются, прижимаются к стенам и друг к другу, корчатся. Ее рыжие волосы обжигают их глаза. Гарольд помнит ее – девушка то ли из его прошлого, то ли из его снов. То ли Джейн, то ли Китти. Но он бы скорее назвал ее Груох¹.

Он сам не понимает, как она оказывается рядом с ним так быстро (или это магия? Или он потерял сознание на несколько секунд?), хватает за руки, без труда поднимая с дивана, и увлекает в самую музыку – ноты лезут в уши, забивают их, как

¹ Жена исторического Макбета, но намек на шекспировскую леди Макбет.

земля забила бы ноздри и рот погребенного заживо, звенят внутри его головы, щекоча, проталкиваются вниз, по горлу, стучат, падая, по сердцу. Ее платье струится, подол хлещет по ногам Гарольда, алые губы девушки растягиваются в ухмылке. Она вся – как артериальная кровь.

И эти губы качаются перед ним, когда молодые люди уединяются в кладовке (как? Он снова не понимает), пока ее платье скользит по лодыжкам на пол, а из ушей Гарольда высыпаются последние ноты. Она не дает себя целовать, и Гарольд задается вопросом, не проститутка ли она. Или – шпионка, убийца? Нет, это глупость, обрывает он себя.

Если бы все так и было, он бы давно оказался разорен или мертв. Но этого же никогда не случается. А кто она – ему вовсе незачем знать. Он ведь даже имени ее не может запомнить.

Глава первая. Лавчайлд

*Живу, ни во что без остатка не веря,
палю, не жалея, шальную свечу,
молчу о находке, молчу о потере,
а пище всего о надежде молчу.*
Игорь Губерман

Квинн наклонился вперед, чтобы лучше видеть, положил подбородок на сцепленные замком пальцы. Лампы в клубе вспыхнули ярче, осветив сцену, и взглядам присутствующих предстала прима заведения – рыжеволосая красавица в лиловом белье. Мужчины в зале мгновенно насторожились: вот и их мечта, их звезда, их королева. Именно ради нее они заплатили неплохие деньги, чтобы пройти в клуб. Квинн знал, чья она на самом деле королева.

Невысокая, с красивой, упругой выдающейся грудью... Она миловидна, но не прекрасна. Однако ее хотят, вожделяют, жаждут, как каплю воды в бескрайней пустыне, и во все не потому, что танцовщица обнажена. Не просто потому, что она – стриптизерша. Квинн знал ее под именем Королева гончих. Повелительница дыма и зеркал, Мата Хари двадцать первого века, королева феромонов, Миледи на службе кардинала, настоящая колдунья. Дьявол в юбке, хоть чаще – вовсе без нее. А по спине девушки разбегается татуировка – розы, десяток или больше, туго сплетенные между собой, во

время бешеного танца сливающиеся в дикие сполохи красного и зеленого.

Квинн уже не в первый раз смотрел на то, как девушка извивается на шесте. Когда-то давно и он был в нее влюблен, как и все. Когда они работали вместе. И еще раньше – когда он ловил ее, когда шел по этому ее сумасводящему запаху, как ищейка, припадая к земле.

Но танцовщица не заметила его. Да и мыслимо ли: в зале царит полумрак, только она одна высвечена со всех сторон так, что не отбрасывает тени. Стриптизерша приблизилась к краю сцены, присела, с улыбкой собирая банкноты из рук обезумевших мужчин. Все они давали ей деньги, понимая, что это не гарантирует ее благосклонности, но втайне надеясь, что для кого-то из них девушка сделает исключение. Напрасно, Квинн знал, напрасно.

Еще он знал, что это удобный момент, ждать больше не было смысла.

Квинн сделал знак стоявшим позади него телохранителям: Мартину и огромному детине, которого нанял только для этой операции. Они приблизились к сцене, протянули к стриптизерше руки, как и все остальные посетители, но вместо того, чтобы засунуть ей деньги в лифчик, схватили девушку за плечи и сдернули вниз, перехватили поудобнее и понесли из зала. Танцовщица так опешила, что даже не пискнула. А охране на входе Квинн уже заплатил. К началу операции он располагал достаточными средствами, чтобы под-

мазывать едва ли не всех, кто попадет на пути.

Они усадили девушку в машину на заднее сиденье. Мартин хлопнулся на переднее, наемник, имя которого Квинн не потрудился узнать, занял место водителя. Сам Квинн сел рядом с танцовщицей и протянул ей пальто.

– Ты замерзнешь.

Она фыркнула и отвернулась, сложив руки под грудью.

– Рада тебя видеть, Патрик.

Больше она не проронила ни слова, пока они не доехали до штаб-квартиры, и так и не взяла пальто. Квинн набросил его девушке на колени, а Мартин смотрел на нее всю дорогу.

– Надеюсь, ты на меня не сердишься, – сказал Квинн, когда они наконец расположились за столом в штаб-квартире. Девушка сидела напротив него, поджав ноги под стул. Пальто Квинна снова лежало у нее на коленях, но теперь танцовщица была одета в синее платье, которое для нее купили за несколько дней до операции. – я хочу предложить тебе сотрудничество.

– Я догадалась. Можно закурить? – Мартин поднес девушке зажигалку, но стриптизерша даже не взглянула в его сторону. – Плохо выглядишь, Квинн.

– Не могу, по счастью, ответить тебе тем же, – он нахмурился, – потому что хочу предложить тебе работу.

Девушка предупреждающе вскинула ладонь.

– Плавали-знаем. Я больше не занимаюсь ничем подобным! Хватит! Или меня привлекут к ответственности.

Квинн покачал головой, махнул рукой, успокаивая.

– Я говорю не о каких-то интимных услугах, Лавчайлд. Я тоже больше не кручусь в этом бизнесе. И даже не стою к нему так же близко, как ты.

Девушка откинулась на спинку стула, скривила губы.

– Так о чем же ты тогда? Для чего еще я могу быть нужна?

– Дым и зеркала, милая, дым и зеркала. Но... конечно, твое обаяние будет нелишним. Однако ни играть проститутку, ни быть ею тебе не понадобится. Если, конечно, не захочешь.

Лавчайлд наклонилась вперед, и ее запах, пробившийся сквозь устанавливавшую границу стену дыма, на мгновение лишил Квинна способности мыслить.

– Я должна буду кого-то очаровать?

Непослушными пальцами Квинн достал из кармана и бросил через стол фотокарточку.

– Гарольд Янг. Сынок сама догадываешься кого. Если он не будет претендовать на должность вице-президента сама понимаешь какой компании, то она отойдет нашему заказчику.

Лавчайлд молчала, рассматривая фото. Затем произнесла задумчиво:

– Хорошенький...

– Это можно рассматривать как положительный ответ?

Девушка подняла на экс-напарника такой взгляд, что тот невольно поежился.

– Ты что, дурак?

– Половина... половина выручки.

– Так-то лучше.

– Послушай, Лавчайлд. Тебе не становится плохо от осознания, что ты продаешь себя? Конечно, Квинн вывернул это так, будто все иначе, но на деле он все еще сутенер и предлагает тебе поработать на него своей киской. Тебе не тошно?

– Нет. А с чего бы? – девушка изумленно приподняла брови. – зато я не ворую. И это, по крайней мере, честно. Это приближено к вашим понятиям о том, что правильно, разве нет? Так что я – молодец.

Мартин сделал вид, что не понял намек на то, что они с Квинном – мошенники. Они все еще находились на штаб-квартире и парень следил за тем, как Лавчайлд чистит пистолет.

– Ты давно стала... как тебя называют, Королевой дыма и зеркал?

– Да, – голос Лавчайлд стал мечтательным. – Десять лет назад я пошла в ученицы... о, не важно, к кому, Квинн, во всяком случае, знает. Когда-то они вместе работали и, думаю, не раз пили на брудершафт. Училась около шести лет. Потом мой учитель погиб, я заняла его место. Квинн тогда работал в специальном отделе полиции. Вместе с Сарой Саммерс, которая до сих пор лелеет надежду упрятать меня за решетку если не за мошенничество, то хотя бы за проститу-

цию, да все никак не может. Я ведь на самом деле ни то, ни другое. Просто люблю поиграть с дымом и зеркалами.

Мартин покивал.

– Говорят, ты лучшая в этом деле.

– Врут.

Лавчайлд бросила пистолет в сумку и с громким звуком приближающегося поезда закрыла молнию. Мартин следил за пальчиками девушки и таял от ее запаха.

– Говорят, ты графиня Батори.

Лавчайлд прыснула.

– И это тоже неправда. А ты слишком веришь слухам, милашка.

– Зачем тебе пистолет?

– Стрелять, глупенький. Я больше боец, чем соблазнительница, хоть в это и трудно поверить.

Мартин кивнул и подался вперед. Он никогда не терял голову от женщин, но сейчас с ним творилось что-то невообразимое. Эта девка перед ним была настоящей колдуньей: иначе как объяснить жидкий огонь, разлившийся по его венам? Он, наверное, схватил бы ее в объятия, не разбираясь, согласна она или нет, если бы их уединение не нарушили.

– В этот раз ты не будешь стрелять, не будешь никого прикрывать и так далее, – Мартин и Лавчайлд обернулись на вошедшего Квинна. – нам нужно твое обаяние. Засунь свои олимпийские амбиции куда подальше и побудь хоть раз нормальной женщиной, Лавчайлд.

Она фыркнула.

– Нормальные женщины не связываются с тобой, Квинн, – девушка приблизилась к нему, но вместо того, чтобы пройти мимо, сказала прямо в лицо. – даже те, кто поддается тебе в здравом уме, не остаются нормальными. Тебе ли не знать!

– Отодвинься, – Квинн отвернулся. – сама понимаешь.

Девушка пожала плечами. Она действительно знала: от нее пахло так, что парни сходили с ума, чувствуя, словно сидят не в полуметре от нее, а уткнувшись носом ей между ног. Это часто мешало проведению деловых переговоров, но Лавчайлд привыкла.

За окном автомобиля мелькали слепые окна полуразрушенных домов, искореженные молниями деревья, ссыпанные кое-как горы щебенки. Моросил холодный дождь. Пир запустения, царство тьмы. И ни одного фонаря – до поры. Макс зажмурился, когда льющийся со всех сторон свет ударил его по глазам. Он не заметил, как они из заброшенной части города попали в жилую. Конечно, для людей из центра, тех, богатеньких, жиреющих за счет них, простых тружеников, особой разницы не было, разве что в освещении: улицы *Старого* города даже ночью были освещены, как днем. Но неоновые мигающие вывески пабов и борделей не шли, разумеется, ни в какое сравнение с изящными рекламами *Центра*. Впрочем, Максу все равно не нравилось, он вообще предпочел бы жить в одном из заброшенных домов.

Один. Жить и медленно превращаться в волка. Парень пригладил светлые волосы и высунул лицо в окно машины, однако дождь как назло кончился. Освежиться не удалось. Но зато...

– Останови-ка, – сказал Макс. В первые несколько секунд он не поверил своим глазам, но... это действительно была она. Будто время вернулось на пять лет назад. Конечно, он не то что бы сходу узнал ее, просто ветер в окно донес до боли знакомый аромат, сжавший сердце сладкими тисками.

Макс вышел из машины и прислонился спиной к забору рядом с Лавчайлд, чувствуя, как рухнул в облако ее первобытного, животного запаха. Девушка же будто не заметила его появления, продолжая смотреть прямо перед собой.

– Я слышал разговоры, что царица Савская из трущоб вернулась домой, но не поверил. Хорошо тебе живется в высшем обществе, Конфетка?

Лавчайлд повернулась к Макс, улыбнулась. Поверх ее естественного (или выдающегося за таковой) запаха, ее фирменной фишки, приносившей баснословные деньги, от девушки также пахло подгнивающими лепестками роз², но Макс знал, что это дорогой аромат – Ив Сен Лоран, раритетная коллекция ограниченного выпуска.

– Чем ты там занимаешься?

– Как и здесь, – девушка пожала плечами, – продаю свое

² Подразумеваются духи Paris, хотя в наше время они вполне себе доступны для покупки кому угодно.

тело, только за более высокую цену. Как иначе можно выжить в мире мужчин?

Макс покивал.

– О, я вижу.

Лавчайлд была одета так же, как и пять лет назад, но волосы – блестящие, ухоженные, завивающиеся красивыми кольцами, – мгновенно выдавали в ней даму высшего света. Она улыбалась уголками губ – никакой обиды на сложившиеся обстоятельства, никаких сетований на свою долю. Она знала, что где-то, в других странах или в другом времени могло быть иначе, но здесь и сейчас она могла быть независимой, только продаваясь. Или как проститутка, или как шпионка. Или как и то, и другое. Именно этот вариант она для себя выбрала, когда решила навеки покинуть трущобы.

– Я пришла не вспоминать прошлое. Просто знала, что встречу тебя. Хотела прикупить кое-каких ингредиентов.

Руки Макса задрожали.

– Чем заплатишь?

Лавчайлд налила ванну, накапала в нее из тысячи разных флакончиков. Могло показаться, что она использует все, что попадает ей под руку, но на самом деле все было гораздо сложнее. Она создавала неповторимую мелодию запаха, уникальные тиски желанья, цепи ароматов, которые привяжут Гарольда Янга к ней сильнее, чем к любой иной женщине на Земле. Он возжелает ее так, что его сердце разорвется,

если она не даст ему шанса. Наследующая дар Гренуя³ ведьма, Лилит.

Хорошо бы еще было добавить крови, подумала сперва она, но тут же засомневалась – наверное. Кто знает, что любит и чего хочет этот парнишка, Гарри Янг? Потом она сможет скорректировать палитру запаха так, чтобы ее аромат въедался ему в сердце. Этот яд, которым она умащивала свое тело, действовал в обе стороны: он чаровал и жертву, и хищницу. Они оба пребывали в одинаковом состоянии измененного сознания, одинаковом трансе, пульсировали в такт. Запах позволял создать ощущение реальности нереального, сон о сексе – сон наяву, иллюзию сплетения.

Лавчайлд села в ванну, откинула голову, чтобы волосы намокли.

«Надо покраситься в шатенку, – подумала она, – буду выглядеть респектабельней.»

Зажала нос и погрузилась в воду по самую макушку.

³ Гренуй – Жан Гренуй, герой романа «Парфюмер. История одного убийцы» (нем. «Das Parfum. Die Geschichte eines Morders») Патрика Зюскинда. Гениальный парфюмер, серийный убийца, создавший формулу духов, благодаря которым мог внушать к себе всеобщую любовь. Для этого ему приходилось убивать молодых девушек и отрезать их волосы.

Глава вторая. Губы ее – цвета «Ад»

*От соблазна можно только удерживаться,
прятаться, закрываться,
короче говоря – бежать. А бегущий с поля битвы
– проиграл.*

Статья Константина Крылова

Отец навязал Гарольду невесту – Тамсин, милую, но глуповатую девицу двадцати лет. Все ее достоинства Янг-младший уже несколько месяцев назад успел оценить в журнале, где появились фотографии этой барышни в меховой горжетке. И только в ней одной. Тамсин не отличалась целомудрием, даже напротив – не чуралась плотских удовольствий и потому потащила молодого человека в дорогой клуб. Разумеется, она не рассчитывала, что он будет смотреть стриптиз, но Гарольд с первой же минуты обратил печальное лицо к сцене и застыл, как изваяние, не замечая, как надулись силиконовые губки его спутницы. В конце концов, ее прелести он уже видел. И они, даже после операций и обработки в графическом редакторе, не шли ни в какое сравнение с аппетитными формами плясавших на сцене крепких девушек.

Вот одна вышла с шарфиком, другая – с бенгальскими огнями, вот появились близняшки с воздушными шариками, азиатка с катаной... Гарольд заулыбался. Ему принесли выпивку – то ли узнав в нем сына владельца крупной корпо-

рации, то ли по сигналу Тамсин. Возможно, девушка надеялась, что парень, не имея возможности потрогать – только посмотреть – обратит свое внимание на нее... Бедняжка уже раскаивалась, что привела его сюда. Она надеялась, что только подкормит свое тщеславие, будучи уверена, что Гарольд даже не отведет от нее взгляда, однако все вышло иначе.

По освещенной сцене метались тени взмывающих подолов, тянущихся рук, извивающихся тел... Настоящая вакханалия, дикий шабаш – и как только Тамсин подумала, что больше не выдержит, все внезапно прекратилось. Девушки упорхнули за кулисы, стихла музыка, свет собрался с углов в центр... На сцену выступила рыжеволосая танцовщица – среднего, даже, может быть, невысокого роста, крепко сбитая, пожалуй, даже слишком для стриптизерши. Не худышка, как ее коллеги, но ладная и гладкая, что только подчеркивал полупрозрачный наряд. Подтянутое белое тело впитывало в себя свет софитов. И Гарольд совершенно забыл обо всем – не только о своей спутнице, делах компании, но даже о том, кто он и где находится. Сейчас для него существовала только эта прекрасная рыжеволосая женщина. И Тамсин бы стоило возблагодарить за это забытие Бога – если б Гарольд вздумал сравнивать, она осталась бы не в выигрыше. Рыжеволосая стриптизерша, несмотря на то, что пелеринка соскользнула на пол, за ней последовали подвязки и, наконец, чулки, казалась целомудренней, чем Тамсин – не только на обложке журнала, но и здесь, сейчас, в пиджаке и юбке почти до

колен. В том, как рыжая раздевалась, была какая-то искренняя стыдливость, неохота, смешанная с вынужденностью – но без капли жеманства, развратности. Будто она сейчас находилась не в зале, полном людей, а гостиничном номере, где кроме нее, был только ее возлюбленный, на милость которого она наконец сдалась... после полугода или года ухаживаний.

Например, с ней там будто был Гарольд.

Янга смутила эта мысль и он уткнулся носом в стакан, но глаза волей-неволей снова вернулись к стиптизерше.

Она вскинула ноги, ухватившись руками за пилон, мышцы плеч напряглись: молодая женщина уже не выглядела так беззащитно, как секунду назад. Но она все равно не смотрелась пошло. Да, сексуальность хлынула из нее оглушающим потоком – зрительных, обонятельных впечатлений... Но все равно каждому в зале казалось, что это представление – только для него.

Лавчайлд – а это была именно она – мысленно возвела очи горе. Ей было непросто, но игра стоила свеч. Девушка редко показывала высший пилотаж, однако теперь настало подходящее время продемонстрировать себя в наилучшем свете.

Гарольд вздрогнул. Ему показалось, что извивающаяся у шеста танцовщица подмигнула именно ему. Но это, разумеется, было невозможно. Такие девушки не выделяют никого из посетителей. Разве что тех, кто заплатит им сверх меры

или покажет, что может заплатить в будущем. Но Гарольд сегодня был в самом обычном костюме. Вряд ли в нем, даже видя лицо, можно было узнать наследника компании, прибравшей к рукам весь город. Но... он ловил взгляд танцовщицы снова и снова. Гарольд попробовал сам не смотреть на нее, но не смог. Он никогда не выбирал себе женщин, даже теперь рядом с ним сидела девушка, которую протезировал его отец. На взгляд же Янга-младшего, пустоголовая капризная Тамсин не могла заинтересовать даже нищего студента. А эта стриптизерша... Папа бы никогда не позволил ему с ней спутаться. И поэтому Гарольд подумал: если бы было возможно... Будто услышав его мысли, девушка спрыгнула со сцены и пошла по залу, к ней мгновенно потянулись десятки рук, но она заставляла их в смущении отступить одним только движением плеч. И с каждым ее шагом вокруг нее распространялись волны сексуальности.

– Разве это не против правил заведения? – изумилась Тамсин, когда стриптизерша приблизилась к их столу и ответила усмешкой на злой взгляд юной богачки. Гарольд не слышал слов подруги – рыженькая легко вспрыгнула прямо на стол, отодвинула носочком пепельницу в сторону и закружилась, распространяя сумасводящий аромат животной страсти. Янг был очарован. Она предстала перед ним: сама порочность и наивное целомудрие под одной оболочкой. Гарольд задрал голову: невысокая танцовщица сейчас казалась ему огромной, как статуя Свободы, такой, какая могла бы коснуться

небосвода, если б вытянула руки. Но она, напротив, присела, развела ноги. Гарольд впился взглядом в узкую полоску ткани, прикрывающую промежность девушки. Как будто в своей жизни он еще никого так не хотел, как ее. Как будто в мире вовсе не существовало других женщин.

Рыжая девица лукаво хихикнула и свела колени, поднялась в полный рост, взялась за подол полупрозрачной сорочки, ловко стянула ее через голову – на девушке остались только туфли, трусики и прикрывающие соски наклейки в виде распустившихся алых роз. И вот теперь от ее иллюзорной неопытности не осталось никакого следа, а Гарольд почувствовал, как сворачивается вокруг него полугаллюцинационная декорация – на несколько минут, пока девушка перед ним не разделась, молодому человеку казалось, что они в дешевом номере отеля. Наедине.

Она оттянула трусики по бокам, без труда порвала их и подняла над головой. Гарольд опешил, попытался опустить взгляд, но, будто поддетый крючком, потянулся к стриптизерше. Она захохотала и начала медленно опускать трусики вниз... вот они уже коснулись лица Гарольда... парень схватил ткань зубами, потянул на себя. Танцовщица хмыкнула и разжала руки, Гарольд схватил вожаделенную тряпку и прижал ее к лицу, зарываясь носом в невообразимый незнакомый аромат. Он ждал, что рыжая красотка что-нибудь скажет, но она только тряхнула волосами и легко спрыгнула со стола, будто была босая, а не на высоких шпильках. И напра-

вилась прочь. Ее номер закончился.

Она обернулась только раз – прежде, чем скрыться за кулисами. Пилон делил ее силуэт надвое, только брошенная через плечо улыбка сверкнула целым кинематографическим образом.

И в следующий миг девушка исчезла.

Гарольд не сразу понял, что давно остался за столом один: его «подружка» ушла, а он даже не заметил, когда.

В ту же ночь Гарольд, повернувшись на бок, почувствовал под небрежно переброшенной рукой теплое крутое бедро рыжей танцовщицы. Затем, в темноте неясно проступило ее лицо, скудно освещенное лунным светом, пробивающимся через жалюзи. Гарольд прищурился, но лицо девушки не стало четче. Тогда он поднялся на локте, чтобы взять с тумбочки очки, и в тот же миг его ладонь ощутила холодные простыни вместо кожи – видимо, стриптизерша просто привиделась Янгу в полудреме. Но в воздухе все еще ощущался ее манящий запах. Это от трусиков, напомнил себе Гарольд, они ведь лежат в ящике прикроватной тумбочки.

Квинн достал ей приглашение. Ей и Мартину и, наверняка, себе, но все они отправлялись в резиденцию Янгов поодиночке. Янга-старшего на приеме не ожидалось, и Лавчайлд была готова увидеть вечеринку в студенческом стиле «предков нет дома», хоть и понимала, что Гарольд уже слишком взрослый... Да и лицо у него было такое, что вообразить,

будто он даже в колледже устраивал пьянки с друзьями, не представлялось возможным.

Лавчайлд оправила подол платья на коленях, с улыбкой предвкушая знакомство с молодым человеком. И пытаюсь угадать, к чему это приведет... Она, кажется, была несколько старше Гарольда, а может быть, и нет, просто его округлое лицо делало его с виду моложе. Как знать, не помогал ли вид папенькиного сынка заключать сделки?.. Лавчайлд откинула голову на спинку сиденья и вздохнула. Ее запах заполнял салон и пространство такси уже казалось ей слишком тесным.

Лавчайлд сменила свой образ полностью – вместо излюбленных личин деревенской простушки и отвязной проститутки, которые она эксплуатировала с того времени, как перестала быть наемницей, на пушистый ковер особняка ступила изящная светская дама, упакованная в дорогое платье. Шикарные каштановые волосы заколоты на затылке, шея свободна от украшений и только в ушах сверкают крохотные гвоздики ценой дороже автомобиля. Страшно было вообразить, как Квинн думает расплачиваться за эту покупку. Проходя по коридору, Лавчайлд поймала в зеркале свое отражение и вздрогнула – какие сочные губы, неприлично алые, от каждого движения веет порочностью. И она догадывалась, что ни одному мужчине в зале будет не важно, что она скажет, все будут следить только за тем, как дрожат красные линии.

Она, перегнувшись через перила, посмотрела вниз: ни

Квинна, ни Мартина, ни Гарольда Янга.

Последнего она почему-то страшилась увидеть.

Квинн прибыл одним из первых и за время ожидания, пока он выглядывал напарников, уже успел немного выпить. Это была не лучшая идея: в конце концов, Лавчайлд явится во всеоружии, женщина-феромон, колдунья Цирцея, а тут он... в легком подпитии. Словно у них будет время, во-первых, отвлекаться, а во-вторых, растрчивать попусту очарование Лавчайлд. Что ни говори, когда он раньше обращался к ней за помощью как к шпионке, все было немного проще. После заданий он мог насладиться ею.

Лавчайлд спускалась по лестнице. В первый миг Квинн даже не узнал ее: волосы больше не отливали рыжим, цвет сменился на нежный каштановый, макияж был едва заметен, а фиолетовое платье хоть и обнажало одно плечо и колени, выглядело намного целомудренней, чем все прочие наряды этой девушки.

– Потанцуй со мной, Патрик, – сказала Лавчайлд, приблизившись. – не рушь легенду, согласно которой я твоя давняя знакомая.

Ее шепот прозвучал слишком провокационно, но Квинн только с улыбкой пожал плечами – она наверняка не собиралась его соблазнять. Просто не умела говорить по-другому.

– Так и есть, – сказал он. – Я знаю тебя тысячу лет.

Квинн шагнул к ней, в облако ее животных феромонов, поднял мягкую покорную ладонь, стиснул бескостные паль-

чки. Лавчайлд сжала его руку в ответ и понимающе показала головой.

– Ох, чувствую кольцо у тебя на пальце. Так ты теперь женат... Она тоже здесь? – девушка обернулась, окинула взглядом толпу.

– Нет, что бы здесь делать моей жене?

– И правда.

Она с улыбкой подняла бровь, намекая, что это не имеет значения. То ли потому, что вышедшая из труппы Лавчайлд вовсе не думала о таких вещах, как брак, адюльтер, соблазнение заведомо несвободного мужчины... то ли потому, что они с Квинном теперь были только напарниками – не любовниками.

«А жаль.» – подумал он и добавил:

– Я потеряю голову.

Лавчайлд кивнула и беспечно пожала плечами, как бы говоря: бывает, такое уж у меня неотъемлемое свойство.

– Похлопай меня по щекам, если я забудусь.

Он взял обе ее руки в свои, уверенно и умело – он когда-то неплохо танцевал. Хоть никогда не делал этого с Лавчайлд. Даже не думал, что это возможно. Сейчас, щурясь, чтобы уловить ее ускользающие черты лица, Квинн с изумлением понимал, что перед ним не просто дорогая дырка – а настоящая женщина. С ней можно не только трахаться. Но и танцевать, говорить... это были странные, непривычные мысли. И рассеянные – Патрик уже дурел от ее запаха, лицо партнер-

ши расплывалось, как в дыму. Но они должны были держать себя в руках, чтобы не пропустить появление Гарольда Янга.

Глядя в напряженно сощуренные глаза Квинна, Лавчайлд вздохнула.

– Ты настолько в делах, Патрик, что у тебя нет и пары свободных минут, чтобы потрахаться со мной.

Мужчина фыркнул.

– Пары минут нам было бы недостаточно. А пары десятков минут – ты права, у меня нет.

Она засмеялась, запрокидывая голову назад, и Патрик на секунду будто отключился: вспомнил, как они гнались друг за другом, а потом он поддался ее чарам, даже был заморожен ею настолько, что согласился отложить самое интересное, кое-как отвязался от напарницы, и они с Лавчайлд встретились в дешевой гостинице, но так и не успели перепихнуться. Он тогда не узнал ее имени и это было даже обиднее, чем тот факт, что они обменялись едва ли парой поцелуев. Но Лавчайлд перевернула всю его жизнь. Из полицейского он стал преступником.

«И, черт, побери, это лучшее, что я мог получить от Судьбы.»

Они все еще танцевали, но Квинн больше не слышал музыки – в ушах застрял колкий звук его неистово бьющегося сердца. Он хотел, чтобы все вернулось на пару лет назад: когда он сбегал из управления в грязную подворотню, где его ждала, пропитанная запахами дешевой травки, спермы и

сотни разных духов, собранных с чужой кожи, Лавчайлд. И как от одного движения ее ресниц всю эту обонятельную какофонию перекрывал ее собственный аромат, тягучий и прилипчивый, обещающий почти наркотическое опьянение...

Квинн приподнял ее лицо пальцами.

– Почему ты не боролась за меня? Я вернулся бы от Сары к тебе, клянусь. И от жены, если только захочешь. Если б ты только тогда захотела...

Лавчайлд издевательски ухмыльнулась.

– Я проститутка, Патрик, такие как я не должны бороться за мужчин. Если он находит себе нормальную подружку, приличную девушку, шлюха должна отойти в сторону. Во всех романах читатель на стороне целомудренной героини...

– Это не роман! – рявкнул Квинн, – я ждал, что ты воззовешь ко мне, дашь понять... Мне было бы достаточно малейшего намека. Клянусь, я бы ушел от Сары... если бы ты не нашла себе мужчину мне на замену так быстро.

Лавчайлд покачала головой.

– Ты совсем меня не... понимаешь.

Она хотела сказать – не любишь, но передумала. Вместо этого потянула к себе за рукав, закусив губу. Повторять дважды не пришлось.

Они забились в какой-то кабинет, кое-как подперли дверь стулом, затем Квинн опрокинул Лавчайлд на письменный стол, разворошив бумаги. Девушка собиралась было напомнить, что у них не так много времени, но глаза Квинна горе-

ли столь неистовым желанием, что она побоялась его потопрапливать. Лавчайлд осторожно спустила платье на талию, чтобы открыть грудь, а белье сдвинула. Квинн даже не снял пиджака.

Тело, которое без труда может внушать и желание, и отвращение – подумали они оба, сплетаясь в объятиях. Что ж, по крайней мере, женитьба не стесала Квинна до обмылка, отметила про себя Лавчайлд, пока они сотрясали стол так, что сложенные поверх документов карандаши посыпались на пол.

Когда все закончилось, спустя едва ли секунду Лавчайлд мысленно проинспектировала свое настроение – нет, она все еще ощущала себя готовой для встречи с Гарольдом Янгом. Прекрасно. Она отстранилась, оттолкнула Квинна от себя одним только взглядом, и мужчина послушно отступил на шаг. Он чувствовал, как мгновенно падает ее температура – если б он все еще касался ее, наверное, его пальцы заledenели бы и потрескались. Такая уж Лавчайлд – такая всегда, когда настоящая.

Обнаженная до сути своей, она никогда не была действительно чудесной нимфой, пленительной ведьмой, и Квинн, возможно, оставался единственным, кто даже сквозь тяжелый запах животных чар мог видеть ее в подлинном облике, такой, какой она была на самом деле. Да, именно была – когда-то. И Квинн находил в этом какое-то извращенное удовольствие: видеть Лавчайлд хуже, чем она по-настоя-

щему теперь была. Даже без масок. Это доставляло удовольствие – знать, что ты единственный, кто влюблен в нее такую, какая она есть на самом деле. Не принцессу.

Лавчайлд откинулась назад, концы ее распустившихся волос коснулись поверхности стола. Она с трудом находила оправдание тому, что произошло. И зачем они только это сделали? Даже если бы они продолжали встречаться, то зачем было ставить под угрозу операцию? Квинн же, казалось, считал, что от ее успеха зависит его жизнь. Но что сделано, то сделано.

– Ноги гудят, – и прежде, чем Квинн задал вопрос, продолжила, прервав себя на полувздохе, отчего слова прозвучали так, словно ее держали за шею. – всегда. Потому что я никогда не стою на месте. Всегда бегу. Это незаметно, но так и есть. Я бегу даже сейчас.

Квинн дернулся, отшатнулся, поспешил прогнать с лица испуганное выражение.

– А я знаю, – сказал он, не глядя на Лавчайлд. – мы слишком давно знакомы. Ну, приведи себя в порядок.

Девушка начала медленно возвращать лямки на плечи, как будто платье весило тонну или царапало кожу... И тут дверь в кабинет отворилась, уронив стул, а на пороге возникла женщина, которую Квинн и Лавчайлд не могли бы не узнать: Сара Саммерс, бывшая напарница одного и вечный враг другой. Последовал миг всколыхнувшейся ненависти, поднявшейся со дна души Лавчайлд и затопивший Саммерс

с головой: Сара даже отшатнулась, отпустила ручку двери. Но лицо ее не изменилось. Отличная выправка настоящей полицейской.

– Я тут не по делам, Лавчайлд, – фыркнула Сара. – просто решила отдохнуть. И искала Патрика – его спрашивал Мартин.

Они шли по коридору, возвращаясь в зал, и Квинн не поспевал за ними. А девушки почти соприкасались плечами. Ненависть между ними кипела, нагревая воздух, он чувствовал: не встрейвай – обожжешься.

– Я здесь тоже... только для того, чтобы развлечься.

Лавчайлд повела плечом, и розы на ее спине двинулись, дрогнули, как потревоженное отражение в воде.

– Я могла бы сказать, что верю, но на самом деле – нет, – прошипела Саммерс. – Не забывай, Лавчайлд, что твоя деятельность незаконна. Тут ты, может быть, и друг хозяина, и почетная гостья, но я-то знаю правду.

Полицейская сжала плечо девушки.

– Не забывай про лилию на твоем теле, леди Винтер.

Лавчайлд скривилась, будто надкусила лимон.

– Розу, Сара, розу, – она ухмыльнулась сквозь гримасу, но выглядело это довольно жалко.

Пальцы Саммерс разжались по очереди – указательный, средний, безымянный. Последним с плеча Лавчайлд взлетел мизинец. Квинн подошел к подруге только тогда, когда его бывшая напарница отошла достаточно далеко и не могла их

ни услышать, ни увидеть.

– Думаешь, она нам не помешает?

– Нет, – к Лавчайлд вернулась прежняя уверенность/ – не ты ли говорил, что я хороша в своем деле?

– Я сказал, что ты лучшая.

Пальцы Лавчайлд скользнули по подбородку Квинна.

– Ну зачем было нужно преувеличивать?

Гарольд Янг появился только к середине вечера. Выглядел он хуже, чем неделю назад, когда Лавчайлд впервые его увидела: перестал бриться, и, хоть кое-как попробовал придать недобороте изысканный вид, не преуспел в том. Очки отбрасывали блики и прятали мешки под глазами. Молодому человеку явно можно было посоветовать больше спать.

Янг шел под руку с Тамсин, но даже не смотрел на нее. Он чувствовал, как движется по залу запах рыжей танцовщицы из его снов, как след: по нему можно было идти, задирая нос, словно ищейка.

Со спины он ее не узнал: вместо рыжих волн на платье, скрывая розы, лился водопад гладких каштановых прядей. Но вот смеющаяся девушка обернулась, и Янг узнал в ней свою мечту. Несмотря на дорогое платье, серьги и иной цвет волос, девушка снова показалась ему нежной и наивной.

– Гарольд?

Он озадаченно и неуверенно улыбнулся, бережно пожимая ее ладонь:

– Вы знаете мое имя?

Лавчайлд потупилась... и прежде, чем успела сообразить, что делает, пробормотала извинения, вырвала свою руку из его и поспешила – насколько это было возможно на каблуках – к выходу.

На улице ее за считанные минуты до нитки вымочил дождь. Лавчайлд забилась под козырек ближайшей пристройки и закурила. Она сбежала от маленького мистера Янга потому, что после близости с Квинном почувствовала себя грязной. А рядом с этим мальчиком такой быть было нельзя. Решительно невозможно.

Лавчайлд поскребла ногтями плечи. Даже дождь не смоет с нее скверну. И этот запах.

Глава третья. Отравленные губы и секреты

*Звери и куклы равно подходят цепям.
Укоренившись в душе, под
трагическими бутонами разума прячется
жажда иллюзий – колдовское искусство.
Джеймс Хэвок, «Тринадцать»*

После того вечера Лавчайлд почти до утра отмокала в ванне, потом царапала до красноты тело мочалкой, пытаясь отскоблить с кожи ощущение пальцев Квинна. Когда-то они были любовниками и тогда это не вызывало в девушке отторжения или возмущения, но теперь... Глядя в уголки глаз Патрика, можно было понять, как чудовищно много он пьет, а по переносице любой догадался бы, как часто тот лжет. Или же только казалось, что лицо его выдает – Лавчайлд так или иначе всё это знала наверняка.

Вылезая из ванны, Лавчайлд пошатнулась и чуть было не упала, но вовремя схватилась за бортик. Она смыла с себя афродизиаки, однако стены, пол и потолок давно впитали в себя запах ее тела, а потому, порой забываясь, включив воду погорячее, так что по кафелю сбегали вниз крохотные капельки, после часа-двух водных процедур девушка чувствовала себя не лучшим образом – голова кружилась от желая-

ния, причем, такого, какое вполне могло бы и убить. А в эту ночь она заново наливала ванну четыре раза. Должно быть, за окном даже успело встать солнце. Сердце колотилось в груди, как неисправный механизм, оборвавший сдерживающий ремешок. Лавчайлд с усилием открыла дверь, навалившись на ручку, и вдохнула холодный воздух коридора. В нем мешались тысячи запахов – она чувствовала их все. От соседей просачивались тонкие нотки пряностей и китайских благовоний, дешевой еды быстрого приготовления, еще яснее ощущались обонянием ее туфли, стоящие у двери, с ароматом натуральной кожи и – слабым – ее собственным запахом сладкого пота.

Афродизиаки, смешиваемые и наносимые Лавчайлд на свое тело, действовали на нее не меньше, чем на ее жертв: она так же сходила с ума и становилась подобна мартовской кошке, как и они. Но со своим собственным запахом она жила вот уже больше пятнадцати лет – с тех пор, как у нее начались месячные – и научилась его игнорировать. Поэтому, даже, казалось бы, одуревшая от страсти, она могла сосредоточиться, чтобы вытянуть из клиента информацию. Или убить его. Несмотря на то, что такая работа была крайне выматывающей, у Лавчайлд не бывало осечек. И немалые деньги с лихвой восполняли все затраты на операции. Можно было даже сказать, что Лавчайлд влюблялась на время операций – несильно, но достаточно крепко, чтобы испытывать удовольствие от происходящего. Не только от секса, но и ро-

мантической атмосферы, которую ей предоставляли ничего не подозревающие жертвы. И, в отличие от механически взвинчивающего ее привычного запаха собственной кожи, наслаждение от легкой жалости к очередному мужчине, которому «просто не повезло» и возможности упиваться своей властью над ним, своей роковой ложью, преподносимой как лучшее лакомство, ударяло в голову гораздо сильнее. Будто дорогое шампанское...

В то же время она понимала, что перед очередным свиданием с Гарольдом Янгом будет должна как-то сбросить обывашее ее напряжение, чтобы голова была пояснее. От одной мысли о Мартине или Максе ее разобрал смех, при воспоминании о Квинне – почти затошнило. Но секс с Янгом не должен был ее увлечь, ни под каким предлогом! Горячая кровь – но холодная голова, как говорил ее Учитель. Конечно, можно было попробовать обойтись своими силами, чтобы потом не пахнуть чужой кожей, но это все же было бы менее эффективно.

Однако никакой другой вариант не проходил ей на ум.

Когда Лавчайлд вышла из ванной, в квартире раздался звонок. Почтальон принес посылку на ее имя – средних размеров сверкающую розовую коробку, перевязанную пышным атласным бантом. Лавчайлд редко получала подарки от поклонников, мало кто знал, где она живет, так что посылка насторожила ее. Девушка аккуратно встряхнула презент, понюхала и просветила мощным фонариком. И уж только по-

том развязала ленту, уверившись, что там всего лишь плюшевая игрушка и открытка.

Это был подарок от Квинна – мягкий набивной мишка с умильной мордочкой и бантиком на шее. В прилагающейся записке молодой человек выражал свои благодарности за чудесный реверанс на вечере у Янга.

Лавчайлд отбросила открытку в сторону и потеряла лоб. Разумеется, Квинн имел в виду их безумство в кабинете. При этом он не мог не заметить, что она сбежала раньше, чем перебросилась с их клиентом едва ли десятком слов. То есть, их совокупление казалось Патрику большей ценностью, чем успех операции? И тут Лавчайлд вспомнила, как безучастен был Квинн к бумагам, которые они сбросили со стола, когда взобрались на него перепихнуться. Лавчайлд знала себе цену – равно как и Патрику. Ее очарование не перебило бы алчность Квинна. Если б его интересовали деньги или информация, он бы отложил секс с напарницей ради того, чтобы сделать копии. Или хотя бы просто просмотреть документы...

Лавчайлд прижала холодные руки к щекам.

– Господи, да я только сейчас начала как следует понимать, что все это чертовски опасно!

До нее дошло, чего именно добивается от нее Квинн. Он сказал, что ей не придется быть ни убийцей, ни проституткой, но это означало – если ты придумаешь, как иначе все сделать. Не мог же он рассчитывать на то, что Лавчайлд даже за самые баснословные гонорары согласится выйти замуж

(пусть и за такого милого парня, как Янг) и увезти его в труппы или вовсе – на природу, чтобы он отступился от идеи занять пост президента компании? О нет. Она должна была соблазнить и убить. Как всегда. Утешало одно – деньги ей полагались немалые.

А еще... Лавчайлд мысленно удерживала перед внутренним взором лица Квинна и Гарольда Янга. И понимала, что если при взгляде вживую не замечала этого, то теперь могла кое-о-чем догадаться.

– О, коварный Эдмунд⁴, – девушка закрыла глаза, – с кем я связалась!

Ей стало тошно. В зеркале она поймала свое отражение – пусть и еще ненакрашенная, с плохо просушенными разметавшимися по плечам волосами, она показалась себе отвратительно пошлой, развратной. Девушка плюхнулась на стул, отчего грудь ее колыхнулась, и это движение пробудило в ней предельное отвращение к себе. Так противно ее тело еще никогда ей не было.

Впрочем, была ли виновата плоть? Не она несла на себе печать порока, а дух, вся натура.

Лавчайлд вынула мишку из коробки и повертела в руках. «О, Квинн, какая глупость...» – девушка покачала головой. Он дарит ей плюшевые игрушки, как своей девушке! Жена-

⁴ Отсылка к герою Шекспировской пьесы «Король Лир» – Эдмунд, внебрачный сын графа Глостера, подставляет своего брата – законного наследника, обрекая его на изгнание и ненависть отца.

тый человек – проститутке, которую он нанял, чтобы уничтожить врага!

– Это просто смешно, – пробормотала Лавчайлд, кусая губы. И в тот же момент ее накрыло ностальгической тоской по дому и потерянной чистоте. Ее воцелели – но не любили. Просто путали это чувство с любовью. После ночи с Лавчайлд мужчины не испытывали к ней отвращения и принимали это за знак чего-то большего, чем просто секс. А с теми, кто не верил в любовь, Лавчайлд, к своему удовольствию, редко спала.

Но Гарольд увидел в ней что-то, чего ему всегда недоставало – уверенности в завтрашнем дне, незыблемости. Весь вид Лавчайлд будто говорил: что бы ни случилось, какая бы казнь египетская меня ни постигла, я все выдержу и из всего выкарабкаюсь. Янг-младший (очень-очень младший, самый младший) тянулся именно к этой ее черте, словно мог подхватить ее, как венерическую болезнь. Они договорились с Лавчайлд о встрече в баре. Девушка нервничала, как будто явилась на первое свидание – и словно ей было лет пятнадцать, она еще не знала мужчин и верила в вечную любовь. Однако она до сих пор верила в любовь настоящую. И молилась, чтобы никогда ее не познать.

Она узнала шаги Гарольда из сотни прочих и вздрогнула всем телом, нежный ток прошел ее от затылка до пят. Это должно было ее насторожить – если бы сознание девушки не поплыло от ее собственных флюидов.

– Я не опоздал?

Он сел рядом с ней и смущенно потер запотевшие очки о рукав пиджака. В этом жесте было что-то такое, что в мгновение ока переменяло желание Лавчайлд быть с этим мальчиком грубой и повелительной, как со всеми. Она потянулась вперед, налегая грудью на стол, и поцеловала Янга коротко и невинно.

Переспали они в тот же день – едва выпив по бокалу, поспешили в туалет, чтобы напиться уже друг другом. После Лавчайлд оставила Гарольду свою визитку: пластиковый белый прямоугольник с золотыми завитушками по краям. На нем значился только номер ее мобильного. Имени не было.

Они встречались еще несколько раз, немного говорили, сидя в ресторанчиках и парках, ели – обязательно ели... «В совместной трапезе непосредственно перед предполагающимся сексом всегда есть что-то порочное», – говорил Лавчайлд ее Учитель. И помогал использовать это также в своих целях. Лавчайлд обожала вкусную еду. Она не была полной или тем более толстой с медицинской точки зрения, но большинство знакомых женщин считали ее «уродливо нехудой». Те женщины, что истязали сами себя, не в силах поверить, что актрисы вроде Туры Сатаны когда-то действительно считались сексуальными. Лавчайлд же не собиралась сидеть на диетах: она знала, как внушить любовь к своему богатому телу, причем, даже на фотографии, не применяя запаха. Лавчайлд поражала той красотой, которая шла изнут-

ри. Может быть, не совсем из души – но то ощущение полного здоровья и потрясающей жизнестойкости, которое она излучала каждой, пусть и не вполне идеальной, черточкой лица и тела, манило очень многих мужчин.

И Янга в том числе. Они ели неторопливо, но жадно, никогда не гуляли после – быстро мчались в какое-нибудь уединенное место и предавались любви. Лавчайлд не чувствовала ничего особенного – на физическом, земном уровне, и в то же время понимала, что полностью теряет разум от нового, неизвестного ощущения нежности и умиления. Она рассматривала нависшее над нею лицо Гарольда с закрытыми от удовольствия глазами, отмечала вздущуюся на шее жилку... Несмотря на то, что их отношения не были целомудренными – больше того, подобное времяпровождение вовсе с трудом можно было так именовать, Лавчайлд верила, что между ними происходит что-то особенное, что-то чистое и светлое. То, что потом обернется страшным и темным, кровью и крахом всего.

Тихой ночью Лавчайлд задумчиво водила по губам прядью волос, глядя, как высвечивается на фоне окна силуэт Гарольда: ссутулившийся, рассеянно заведший руку на затылок, он что-то полупшепотом объяснял кому-то по телефону, не зная, что его возлюбленная проснулась. Это была их первая ночь, в которую она осталась. Отчасти потому, что уже не могла уйти незаметно, отчасти потому, что не хотела. Лавчайлд вздохнула.

Да, в жизни каждой шпионки и проститутки случается этот момент – когда она влюбляется. И становится непригодна для дальнейшей работы.

Янг тоже был по уши влюблен. Гарольд, словно Эшли Уилкс⁵, хвалил хороший аппетит Лавчайлд, каждый раз забывая, что уже говорил об этом в прошлую их встречу, но собеседница неизменно наводила его на мысли о древних изваяниях – еще не палеотических венерах, но каких-то языческих богинях плодородного дождя. Лавчайлд только усмехалась в ответ на такие сравнения. Она не хотела любить Гарольда еще потому, что знала – ее любовь будет похожа на раковую опухоль для нее, на демонические лианы для него. Она, Лавчайлд, вся истощится, изойдет на это чувство, рассыпется прахом – или физически, или только морально, но после этой любви будет уже не собой. А он задохнется в ее чувстве, быть может, даже с улыбкой на устах – бедняжка богомол.

– Существуют стратегии, позволяющие самцу посмертно обеспечить успешность оплодотворения самки его спермой.

⁵ Имеется в виду персонаж книги Маргарет Митчелл «Унесенные ветром». Конкретно идет ссылка на эту цитату: – *Вот станете замужней дамой и ешьте себе на здоровье, – решительно заявила Мамушка. – А когда мисс Эллин была, как вы, барышней, она ничего не ела в гостях, и ваша тетушка Полин, и тетушка Евлалия – тоже. И все они вышли замуж. А кто много ест в гостях, тому не видать женихов как своих ушей. – Неправда! Как раз на том пикнике, когда ты меня не напичкала заранее, потому что была больна, Эшли Уилкс сказал мне, что ему нравится, если у девушки хороший аппетит.*

Так, шаровые пауки, погибая, оставляют половой орган в теле самки, исключая возможность последующего её спаривания с другим самцом.⁶ – Лавчайлд с громким хлопком закрыла книгу и протянула ее Мартину, – возьми.

Парень то ли покачал, то ли судорожно дернул головой. рядом с Лавчайлд он чувствовал себя более чем странно. Она была не в его вкусе, но в то же время – отчаянно волновала. Мартин был готов бить себя по рукам, чтобы они только не тянулись к ней.

– Ты не собираешься уходить?

– Я подожду Квинна, – Лавчайлд положила книгу на журнальный столик, раз уж Мартин так и не взял ее. – Если, разумеется, ты мне не скажешь его домашний адрес. Только не подумай, пожалуйста, что я интересуюсь его женой, – девушка вздохнула, – во всяком случае, больше, чем делом.

Мартин фыркнул, откинул голову на спинку кресла. Он больше не видел Лавчайлд, но чувствовал ее до малейшей черточки, складочки на платье.

– Значит, дело вдруг стало для тебя важно... Дело, не деньги. Я так и знал, что ты размякнешь, еще тогда, когда ты ляпнула, что придурок Янг «симпатичный»... Или что ты там сказала...

– Сама не знаю, почему у меня так екнуло сердце, когда я его вновь увидела. – Лавчайлд улыбнулась, глядя в окно, но ничего не видя, кроме возникающих в ее мозгу воспомина-

⁶ Цитата из Википедии.

ний. Она понизила голос к концу фразы, так что он сперва упал до шепота и после – до одного беззвучного движения губами.

– Может быть, все-таки трахнемся? – Нетерпеливо брякнул Мартин, не выдержав. – Ты же шлюха, для тебя это ничего не значит.

Лавчайлд оскорбленно вздохнула и повернулась к молодому человеку:

– Ты любишь классику французской литературы? Читал Ги де Мопассана?

– Что?

Лавчайлд покачала головой, поднялась с кресла и пошла прочь. И сделала это с радостью: стоило ей передумать, как от мысли, что не нужно больше дожидаться Квинна, на душе внезапно полегчало. И вместе с тем сердце кольнуло невеселое осознание.

Выйдя на улицу, Лавчайлд закрыла лицо руками. Она действительно стала непригодна – даже если она исчезнет из жизни Гарольда, она больше не сможет с такой легкостью отдаваться другим мужчинам.

Однако Квинн нашел ее сам. Когда Лавчайлд услышала звонок в дверь, она уже знала, что это Патрик. Поэтому подготовилась: как только он, услышав щелчок отпираемого замка, рывком распахнул дверь, в лицо ему полетел плюшевый мишка.

– Убирайся. Я не хочу участвовать в твоих грязных де-

лишках!

Квинн поднял мишку с порога и шагнул в квартиру, заставив Лавчайлд отступить. Она могла не двинуться с места и ей вполне хватило б сил не впускать нахала, если бы внезапно не почувствовала отвращение к Патрику. Его кожа представилась ей настолько отвратительной, что хозяйка квартиры всеми силами постаралась избежать соприкосновения с гостем.

– Наш договор расторгнут. Я больше тебе ничего не должна, – жестко сказала девушка. Она знала, как найти управу на таких мужиков, как Квинн – самовлюбленных индюков, рассчитывающих, что любая женщина должна им подчиняться.

– Неужели? А мне кажется, ты движешься именно в том направлении, в каком мне нужно...

Тепло рук Гарольда еще не до конца остыло на теле Лавчайлд, когда Квинн шагнул вперед, провел ладонью по ее спине. В комнате еще остался аромат пиджака и одеколona Янга, теперь постепенно растворяющийся в удушливом запахе тяжелого квиннова парфюма.

– Я больше не буду видеться с Гарри. И с тобой тоже. Сделаю исключение только для того, – Лавчайлд отступила от Квинна на шаг. – чтобы получить деньги, которые мне причитаются.

И раньше, чем мужчина успел спросить или возразить, она добавила, упиваясь своим ядом и не скрывая этого:

– За секс в поместье Янга. Я пришлю счет тебе в офис.

Квинн взмахнул рукой, желая ударить девушку, но Лавчайлд поднырнула под его руку.

– И не трудись приходить сюда. Я съезжаю завтра же.

Патрика трясло от ярости, так что Лавчайлд подумала, будто вот-вот раздастся гул и скрежет от его напряженных мышц.

– Ты... ты и Гарри – неплохая пара. Знаешь, я всегда ненавидел его бабский голос. И твой девчачий писк. Как будто трахаешь малолетку... Надеюсь, у вас тоже уши кровью изойдут, если будете друг с другом разговаривать.

Он шагнул за порог.

– Мне есть, с кем повеселиться и без чумной семейки Янгов, Патрик.

Лавчайлд закрыла дверь медленно – чтобы он увидел, что в ее глазах нет раскаяния.

Лавчайлд действительно собиралась дать себе зарок не искать больше встреч ни с Гарольдом, ни с Квинном, но они оба, следуя своим генам гончих и равно беспокойным разумах, сами нашли ее. И, встретившись у афиши с изображением кокетливо прикрывшейся розовым боа Лавчайлд, братья наигранно-сердечно поприветствовали друг друга и пожали руки. Только Янг скривился, когда Квинн с силой сжал его пальцы, намеренно причиняя боль.

– Я вижу, Вы с дамой, – попробовал быть учтивым Гарольд, кивнув на спутницу Квинна. Но Патрик только грубо

хохотнул в ответ:

– А ты, я вижу, нет. Один.

И, подхватив свою подружку под локоть, увел ее в клуб. А Гарри еще остался покурить на улице до начала выступления Лавчайлд. Он рассматривал до боли знакомые черты, приобретшие на афише только еще большую прелесть, но и, одновременно с тем, стервозность, надменность. Над изображением алела надпись: «Программа с трюками. Леди Благоухающая Роза: Я обману Вас так, что Вам понравится.»

Гарольд бросил сигарету в лужу и вошел в клуб.

Гарри выбрал место на некотором удалении от сцены, чтобы его лица нельзя было различить в темноте, если Лавчайлд вдруг случайно взглянет на него. Янгу несколько мгновений казалось, что он устроился идеально. Пока его не окликнул с соседнего столика Квинн. Гарольд едва поборол желание фыркнуть или застонать с досады. Они с Патриком последний раз виделись лет пять назад, когда Гарри еще учился в колледже. Но стоило ему выйти «в мир», как отец мгновенно отписал на младшего отпрыска все деньги и привилегии, ранее обещанные Патрику. А старший брат бесследно пропал. Что произошло раньше, Янг-младший не брался гадать, страшась задавать отцу вопросы на эту тему. Патрик весь пошел в родителя – яростный, жесткий. А Гарри не повезло. Он не хотел всей этой жизни. И чем дальше, тем больше.

Сейчас, рассматривая скудно освещенный профиль брата, Гарольд думал, что же можно ожидать от Патрика. На-

сколько он ожесточился? Какую черту он готов преступить, только чтобы вернуть себе то, что считал похищенной у него собственностью? И рассчитывает ли он возобновить теплые отношения с отцом?..

Гарри отвернулся. Патрик прекрасно понимал, что единственное, что помешает ему вернуть доверие отца, это верно обставленное убийство брата. А его унижение, даже публичное, напротив, способствует восстановлению семейных уз. Отец всегда восхищался теми чертами старшего сына, которых Янг-младший боялся до дрожи. В первую очередь потому, что с детства знал: однажды настанет момент, и он сам окажется под ударом. Патрик его не пожалеет.

И этот момент настал сейчас.

Братья одновременно почувствовали, как, сгушаясь, застыл между ними воздух. Квинн повернулся к Янгу, буравя его стальными глазами, и прошептал:

– Даже не думай.

И вся решимость Гарольда дать отпор исчезла, словно на нее наступили сапогом и вмяли в землю. Квинн наступил.

Но думать об этом дальше было некогда. Началось представление. Янг сжал зубы, догадываясь, что увидит, и морально готовясь встретить еще одну волну боли, что взорвет его сердце... Но в первую секунду, когда зажегся свет, заиграла музыка, а за неподнятым занавесом шевельнулись тени, молодой человек ощутил, как безнадежно очарован.

В этот момент и Патрик, и Гарольд поняли, почему

выступления Лавчайлд пользовались такой популярностью. Она вышла на сцену в алом плаще, окутывающим ее от шеи до щиколоток. Затем взмахнула руками: ткань плаща взметнулась двумя крылами, и девушка оказалась полуобнажена – только полупрозрачное малиновое белье и туфли не позволяли сказать, что она полностью нага. Тотчас же на сцену выскочили остальные танцовщицы, призванные угодить на вкус каждого зрителя. Но в зале не было таких, кто бы не смотрел на Лавчайлд. Она очень умело подобрала напарниц: все девушки были худыми, астеничными. Ровно такими, какими, кажется, стремятся быть все современные кокетки... Но все они смотрелись блекло и изможденно в сравнении с роскошным телом примы. Лавчайлд крутилась так, что установленные по периметру сцены с некоторыми промежутками зеркала отражали только ее: волнующуюся грудь, полные бедра, водопад волос...

Воплощенный грех, подумали и Гарольд, и Патрик. Лавчайлд умела быть невинной, но сейчас она была самой порочной женщиной на Земле, блудницей блудниц.

– Как она хороша, – читая их мысли, произнесла спутница Квинна.

Гарольд вздрогнул, услышав, что ответил ей брат. А потом до него донесся шепот Патрика:

– Миз Брук тоже оценила твою крошку, Гарри.

Янг знал, что ему будет больно, но даже не представлял, насколько! Эти негодяи с въевшейся в изгибы подушечек

пальцев краской от фальшивых банкнот, смеют говорить о Лавчайлд, как о вещи. Как о скотине, выставленной на продажу – элитной козе или корове. И на краткий миг Гарри усомнился, что ему действительно хочется наорать на любовницу, бросить ей в лицо какие-то обвинения... Гарри снова смежил веки, готовый провалиться под землю. Его сознание плыло, как от алкоголя. Он вдруг понял, что могло быть тому виной – кроме, разумеется, разнесшегося по залу запаха Лавчайлд. Странная музыка, похожая на заклинания жрецов вуду. На самом деле – просто развернутая задом наперед мелодия. Гарри открыл глаза, на секунду ослепнув от вспыхнувших перед его взором белых кругов. Сердце помчалось вскачь и зануло, как при стенокардии.

Танец тем временем закончился, переодевшаяся Лавчайлд вышла на середину сцены, кокетливо тряхнула волосами и одним движением, ухватившись за ткань на талии, сорвала с себя платье, оставшись лишь в сверкающем белье: лазурного цвета с изумрудными оборками и бисером. Девушка подвигала плечами, чтобы ее лифчик отбрасывал блики в зал.

– Леди и в особенности джентльмены! Как видите, у меня нет ничего в руках, – Лавчайлд показала в зал пустые ладони с растопыренными пальцами, – и на мне тоже почти ничего нет. Уверяю вас, в бюстгальтере нет потайных кармашков. Единственное, что в нем содержится – моя грудь. Кто-нибудь хочет подняться на сцену и проверить, так ли это?

Вверх взметнулся частокол рук. В том числе добровольцем пожелал быть Квинн. Но Лавчайлд выбрала не его, какого-то парня с первого ряда. Он поднялся и с удовольствием ощупал артистку. Та засмеялась.

– Отвратительно, – пробормотал Янг. – просто ужасно... безнравственно.

– Что такое? – окликнул его Квинн. Гарольд вздрогнул: он и не думал, что Патрик его слышит. – можно подумать, ты сам с ней такого не делал? Впрочем, думаю, при ее-то фантазии вы делали много такого, о чем я даже подумать не могу...

Квинн рассмеялся, прижимая пальцы к губам, как нашкодивший лицеист. Выглядело это крайне глупо для взрослого мужчины.

– Хотя я согласен, это довольно неприятно – смотреть, как лапают девицу, которую ты трахал. Так что я тебя очень понимаю в этом отношении, – Патрик кивнул на сцену. И Янг все понял. Подхватил со спинки стула пальто и помчался к выходу. Еще не дойдя до двери он почувствовал, что ему тяжело дышать, как было уже однажды... И также по вине брата. Парень рванул узел галстука. Падать в обморок ему было нельзя...

Поступок Янга не прошел незамеченным для Лавчайлд. Спешно и скомканно закончив свой номер, она собралась бежать, догонять Гарольда. Бросив в руки вытащенному на сцену добровольцу свой лифчик, Лавчайлд приложила палец

к губам. И тут же ее окутало облако дыма, идущего из-за кулис. Но не прошло и секунды, как дым пронзил мощный луч прожектора, давая понять зрителям, что за краткий миг полюбленная девушка со сцены исчезла.

На деле же Лавчайлд спрыгнула со сцены и, подворачивая ноги на шпильках, бросилась за Гарольдом. Она видела, как он выходил из зала. На пути девушки вырос ее непосредственный начальник и импрессарио, но Лавчайлд грубо оттолкнула его, вихрем пронесаясь мимо. Только в длинном коридоре, выстуженном воздухом с улицы, она смогла догнать Янга. Схватила его за рукав, разворачивая к себе, вовлекая в облако своего запаха, но молодой человек дернулся, высвобождая руку, и хоть его плечи и дрогнули, он не обнял Лавчайлд.

– Зачем ты пришел? – спросила она дрожащим голосом.

– Действительно, – мрачно пробормотал Янг. – я сам не знаю, почему пришел сюда. Ведь подозревал же, что мне лучше не знать, не видеть...

– Не знать чего? – фыркнула Лавчайлд. Ее волнение и печаль сменились раздражением, – ты же знал, кто я такая. Мы встретились в этом же клубе, я танцевала перед тобой на столе!

Янг снял очки и схватился пальцами за переносицу, то ли оттого, что больше не мог смотреть на Лавчайлд, то ли оттого, что у него заболела голова, в которой вспыхнули, как огни фейерверка, воспоминания.

– Я совершеннейший дурак.

– Да.

Лавчайлд облизала губы. Возникшую ситуацию надо было как-то исправлять... Она сказала себе, что нет, она вовсе не влюбилась, она как и обычно, действует только из меркантильного интереса – просто не хочет провалить порученное Квинном задание... Лавчайлд дернула Янга на себя – на каблуках она была почти одного с ним роста – и поцеловала. А потом отпустила. Янг бросил на нее странный, ошалевший взгляд и медленно побрел к выходу.

Он обернулся всего раз, не понимая, где находится и что за полураздетая девушка наблюдает за ним, закусив палец.

– Не садись в таком состоянии за руль, – сказала она на прощание. – пожалуйста.

Он вышел на улицу. Она вернулась на сцену.

Глава четвертая. Дым и зеркала

То, что делается ради любви, делается вне сферы добра и зла.

Ф. Ницше

– Прости, я опоздала, – раздался за спиной Гарольда знакомый голос, – долго не могла поймать такси.

Рядом с ним на скамейку опустилась девушка в легком красном пальто. Ее губы, выкрашенные в тон, улыбались, но глаза оставались напряженными. Гарольд не помнил, чтобы в его жизни была эта девушка, но его преследовало смутное воспоминание, что некогда он не раз обнимал странную женщину: с нарисованными, а может быть, выколотыми навечно розами на спине. Как если бы он напился и подцепил кого-то в баре. Но он не пьет и не ходит по барам, только по дорогим клубам. И в то же время, она пахла очень знакомо – и довольно возбуждающе. Постепенно перед внутренним взором Янга начали всплывать полустертые образы-воспоминания: шелковые простыни его собственной спальни, хрустящий крахмал гостиничного номера. Ничего другого на ум ему не шло. Если они действительно только и делали, что трахались, то Гарри не был бы удивлен. Как же ее звали... Китти, может быть, или Анжела...

– Не опускай газету, – сказала она, – за тобой следят. Сле-

лай вид, что я твоя подружка.

– Но у меня назначена встреча, – смутился Гарольд. Ладонь девушки легла на его локоть и потерла, пытаясь ободрить, внушить уверенность.

– Встреча подождет. К тому же, ее назначили не те, кто желает тебе добра. Пойдем. – Она потянула его за собой. – сделай вид, что мы так и планировали – прогуляться.

Молодые люди встали и пошли по осеннему парку. Через несколько минут Гарольду даже показалось, что у них и впрямь свидание, а встречу с деловыми партнерами он просто придумал: в конце концов, кто будет договариваться вести деловые переговоры в парке? К тому же, таком безлюдном. Но все же... имени девушки Гарольд так и не мог вспомнить. Это смущало.

– Мы ведь встречались раньше?

Она пожала плечами.

– Тебя зовут... – Гарольд покраснел, подозревая, что сейчас ошибется. – Китти?

– Нет. – Девушка стала на миг серьезной и впервые назвала свое настоящее имя. – Ребекка Лавчайлд.

А потом ее на миг смягчившееся лицо приобрело крайне тревожное выражение. Она стиснула руку Гарольда за запястье, так что ремешок часов рисковал расцарапать кожу до крови, и побежала. Гарри едва мог поспевать за ней, не спотыкаясь.

Они остановились и перевели дух только когда покину-

ли парк и, кажется, прочно затерялись в лабиринте каких-то недостроенных домов. Ребекка прижалась спиной к стене, запрокинула голову, облизала губы, успокаиваясь. Она чувствовала опасность каждой клеткой своего тела.

– Почему мы убежали? Я ничего не понимаю, – растерянно сказал Янг. Он вспомнил эту девушку – и в том числе, то, как еще недавно разрывался от желания и, одновременно, недоверия. И теперь он вновь начинал подозревать, что его пытаются ловко обвести вокруг пальца.

– За твоей шкурой охотится некто Патрик Квинн, – сказала Лавчайлд, переводя дух. – Возможно, ты его не знаешь, но зато он знает тебя, и это не сулит тебе ничего хорошего.

– А ты, значит, знаешь нас обоих?

Она кивнула. Дыхание ее все еще не успокоилось, и Гарольд гадал, слышит он саркастические нотки, или же ему кажется.

– Да. Квинн меня однажды трахнул, воспользовавшись моментом, а теперь моя очередь.

Ребекка втокнула Янга в узкий проход между домами и сама юркнула следом.

– Стой там, не приближайся и следи за вторым выходом, – бросила Лавчайлд, прижавшись к стене спиной. Девушка сняла с головы берет, раскрыла сумку и сунула его туда. Но наружу ее рука показалась уже с зажатым в ней пистолетом.

И в следующий же момент в узкое пространство между домами просунулся мужчина, на минуту замешкался, вме-

сто Гарольда увидев Лавчайлд. Она воспользовалась этим, вытянула руку и выстрелила ему между глаз. Мужчина упал навзничь, прямо под ноги второму, который не успел даже поднять пистолет и повалился на напарника. На несколько минут повисла тишина, ничего не происходило. Гарольд вытянул шею, пытаясь рассмотреть наемников, посланных для того, чтобы убить его.

– Всего двое?

– Их бы хватило, – огрызнулась Лавчайлд. – не переоценивай свои силы.

Она вздохнула, чтобы успокоиться. Конечно, тела перед нею были ни чем иным, как пушечным мясом, тем, что не жалко пустить в расход, если возникнут непредвиденные обстоятельства. Но должен был быть еще один – координатор, тот, кто не даст операции сорваться, что бы ни случилось.

И он возник перед Лавчайлд, стоило ей только мысленно озвучить свою догадку – Мартин. Выступил из тьмы, будто соткался из воздуха. Хороший ученик, но как импровизатор – полный ноль. Она знала, видела это на дне блюдца его глаз, слюдяно поблескивающих в скудном сумеречном свете.

– А я знал, что ты переметнешься на его сторону, – вздохнул Мартин. – куда как интереснее выскочить замуж за наследника корпорации, чем получить жалкий кусок грязных денег.

– Хрена с два ты что-то понимаешь, – прорычала Лавчайлд. – я просто влюбилась.

– Ну конечно.

Мартин замолчал. Они стояли с Лавчайлд – глаза в глаза; ее нога на голове одного из убитых наемников, вторая туфля утонула в крови, а Мартин замер, раскинув руки, прямо на пути пули. Он улыбнулся и передал ей мысленно все то, что они могли бы сделать, но не сделали: убить Гарольда Янга, получить деньги, убить Квинна, угнать самолет, переспать по пути на Кубу и поселиться в глуши, неузнанными, богатыми и под завязку нажираться наркотиков как только приспичит.

Лавчайлд тоже улыбнулась: Мартин успел увидеть, как растягиваются ее губы и прочитал по ним то, что свершилось.

Смерть.

– Квинн должен сказать мне спасибо. Избавился от непроходимого идиота.

Лавчайлд спрятала пистолет обратно в сумочку и повернулась к Гарольду. Тот смотрел на нее испуганными глазами. Но он был цел, а все остальное не имело значения.

– А теперь иди, – Ребекка секунду смотрела на Гарольда, будто стараясь запомнить, поднялась взглядом от подбородка до лба. – прости, что все так вышло. Попробуй об этом забыть.

Он схватил девушку за руку раньше, чем она успела отстраниться.

– Постой... Я просто... Хочу знать, кто ты.

Лавчайлд быстро поцеловала Гарольда в щеку и, восполь-

зовавшись его замешательством, высвободила руку.

– Может быть, я просто девушка из твоих снов.

– Конечно, это так.

– Это так.

Его улыбка медленно растаяла. Лавчайлд рядом больше не было.

В этом было что-то комичное и грустное одновременно – да, сразу вспоминаешь о смехе, после которого щеки остаются сведенными, а живот неприятно ноет. И в тот момент все трое, снова встретившись в том же клубе, что и неделю назад, подумали об одном и том же. О таком разрушительном смехе. Или моментах, когда ты задорно хохочешь над какой-нибудь уморительной шуткой, а тут тебе в лицо говорят: умер твой любимый дедушка.

Это втоптаный в горло сапогом смех.

– Кажется, я снова отбираю у тебя игрушку, – сказал Квинн, не глядя на брата. Он стоял, прислонившись к колонне, и курил, хоть в коридоре это и было запрещено. На другом конце помещения застыла Лавчайлд: полностью одетая, с подобранными волосами. Явно приехавшая на работу из приличного места. Может быть даже, с приема. Бог знает, чем она там занималась, зеленое платье с драпированным подолом почти в пол не позволяло сказать.

– Не скучаешь по бедному Мартину? – выкрикнул Квинн, и Гарольд вздрогнул, вспомнив последнюю свою встречу с

Лавчайлд. Все прочие свидания с ней так и остались для него неясными снами, но не этот эпизод из жизни, расколовший его сознание.

– Я просила вас не преследовать меня, – прошептала девушка, пятясь. А потом побежала. А братья бросились за ней, едва не потеряв свои тени.

В своих черных костюмах, при длинных гастуках, они вполне походили на гончих. Если бы у их семьи был герб, кого на нем бы изобразили?

Лавчайлд и ее преследователи ворвались в зал клуба, бросились к сцене меж пустых столиков. Девушка легко лавировала между ними, а братья роняли мебель, но все равно упорно гнались вперед за своей жертвой.

Ребекка впорхнула на сцену. Сегодня должно было состояться ее последнее представление здесь. Потом она собиралась исчезнуть. Нет, не вернуться в трущобы – только вновь перекрасить волосы и изменить запах. Обратиться в иную Китти, Пегги или Долли. Но времени, видимо, уже не оставалось.

– Что ж, джентльмены, коль вы так упорны, я могу лишь предложить вам последнее выступление леди Благоухающей розы.

Лавчайлд взяла подол платья и вскинула руку, ткань взметнулась взрывом, бутоном ядерного цветка, всполохом зеленой воды, и опала, спланировала на пол.

Гарольд и Квинн подбежали, взяли ткань в руки: она еще

пахла Лавчайлд, но никаких признаков того, что девушка действительно существовала в реальности, не было и в помине.

Так она растворилась.

Глава пятая. Все проклятия троются

*Могу тебе невесту предложить.
Она богата, молода, красива,
Воспитанна, как знатная синьора,
Один порок имеет, но немалый:
Она сварлива просто нестерпимо,
Строптивна и груба сверх всякой меры.
Уильям Шекспир, «Укрощение строптивой»*

Лавчайлд сбежала – но вовсе не туда, куда бы ей хотелось. И не так. О возвращении в трущобы не могло быть и речи. Даже краткие вылазки за эксклюзивными ингредиентами навевали на нее уныние. Она осталась в городе, хоть и сменила квартиру и номер телефона, как и обещала Квинну. Даже перебралась в другой конец города, чтобы свести риск встречи с кем-то из братьев Янгов к минимуму. Девушку начали мучить кошмары: во снах приходил Мартин, который размазывал по щекам кровь вперемешку со слезами и спрашивал «зачем ты меня убила, Конфетка?». Лавчайлд могла бы избавиться от них, накапав себе успокоительного, созданного по индивидуальному рецепту ею же самой, но... она не хотела. Как будто Мартин, которого она почти не знала, который остался в ее памяти только как назойливый недалекий наемник, имел право на возмездие. И память хоть кого-то.

Ребекка ходила по клубам, но никогда не веселилась: то ли сил не было, то ли желания. Несмотря на галлоны алкоголя, которые она в себя вливала, настроение не улучшалось. И в ту ночь Лавчайлд снова почти весь вечер простояла у стены, вжимаясь в нее лопатками. Ни с кем не трахалась – небывалое дело! – наверное, единственная в клубе. Или нет. Или просто каждый раз она после приваливалась к одной и той же стене. Лавчайлд для верности провела рукой по юбке, чтобы проверить, что та все еще на ней, не задрана, не промокла насквозь... Но с ее одеждой все оказалось в порядке. А вот сознание постоянно уезжало куда-то в сторону, угол зрения заваливался, словно на глаза то и дело сползали шторы или повязка. Лавчайлд не смогла вспомнить, это она так напилась или кто-то предложил ей таблеточку.

А она не стала отказываться.

– Пора вываливаться на свежий воздух.

Жвачка горько ударила ментолом по растревоженному сигаретным дымом языку. Лавчайлд шла, пошатываясь, выставив одну руку резко вбок, в угол сорок-пятьдесят градусов к телу, чтобы удержать равновесие. Шпильки, должно быть, погнулись, подумала Лавчайлд, подвернув ногу при очередном шаге. Туфли можно было заранее мысленно похоронить. Второй рукой девушка стиснула сумочку, чтобы она не сползла с плеча. Слишком пьяная, чтобы держать плечи прямо, Лавчайлд хотела только одного – добрести до ближайших кустов. Чтобы не быть неприличной, пусть ей и предельно

плохо. Спрятать лицо за благоухающей зеленью и сунуть два пальца в рот.

Подумать только, словно вернулись старые-добрые времена в трущобах, мрачно подумала Ребекка, приваливаясь боком к дереву. Скользнула вниз, нагибаясь, и ощутила царапающую плечо, сдирающую кожу кору.

Лавчайлд просунула в горло два пальца. Дальше, еще дальше, туда, куда никогда не достают клиенты. Даже самые талантливые. Длинные ногти укололи горло, прижались гладкой, покрытой лаком поверхностью к небу, убегая, чтобы не испачкаться. Лавчайлд схватилась за солнечное сплетение, сжала в кулак ткань, расшитую блесками, повторяя движение собственного желудка, и нагнулась пониже. Потом, утирая губы, рассматривая испачканную в черной желчи и помаде с перламутровым блеском руку, подумала, что это – единственное очищение, на которое она может рассчитывать в своей жизни.

Ребекка не могла сказать, когда и от чего потеряла сознание: доконал ли ее алкоголь, успевший просочиться в кровь, или кто-то огрел ее по голове... Провал в памяти мог подтвердить и ту, и другую версию.

Лавчайлд с трудом открыла глаза и губы, тяжело сглотнула – соленая слюна наждаком прокатилась по пересохшему горлу. Ресницы слиплись, и было бы неплохо потереть глаза пальцами, содрать коросту, но это оказалось невозможно. Руки затекли от самых плеч, она их не чувствовала и да-

же не могла предположить, насколько те были свободны. Но, прижав голову к подбородку, смогла увидеть, что она одета в некое подобие смирительной рубашки, рукава которой завязывались сзади, вот только полы одеяния заканчивалась на поясе. Дальше из-под рубашки виднелся край юбки Лавчайлд и лишенные колготок босые ноги. Девушка медленно приходила в себя и еще пребывала в некотором полубессознательном состоянии, но она сообразила, что вряд ли с нее стали бы стаскивать даже испорченную обувь, если б ее просто похитили... с целью выкупа, например. Впрочем, с уверенностью сказать, где она находится, Лавчайлд не могла: в помещении оказалось слишком темно, из мрака были смутно различимы только голые стены, ко всему прочему, воняло, но не так, как, например, в лаборатории или больнице, не так, как на помойке. Незнакомый запах, но резкий, неприятный. И, она могла поклясться, перекрывающий ее собственный. Если тот, не считая естественного запах кожи, к тому же, не успел сам выветриться. Сколько она так провела, раз руки успели онеметь? Пару часов? Пару ДЕСЯТКОВ часов?

Дверь с щелчком открылась и одновременно зажглись электрические лампы. Лавчайлд зажмурилась и отвернулась, подождала, пока глаза привыкнут к свету, медленно открыла их и посмотрела, кто же почтил ее своим вниманием. Три женщины и один мужчина. Самой старшей было лет пятьдесят, может быть, больше, но выглядела она подтянуто и стильно: хороший макияж, умело подобранный костюм.

При другом освещении и Лавчайлд, несмотря на наметанный глаз, дала бы ей лет на пять-десять меньше. Женщина выглядела настоящей мегерой, хоть и обладала некоторым шармом светской дамы. Но движения и походка всегда выдают характер. Всегда.

Вторая – лет сорока, впрочем, вероятнее, нет, тридцати пяти. Просто, в отличие от первой, эта женщина вовсе за собой не ухаживала. Выжженные дешевой краской волосы с отросшими корнями, забранные назад, хищный нос, длинный настолько, что, должно быть, появлялся в двери раньше, чем грудь этой особы... И одежда – точно для актрисы теленовеллы в роли замарашки-библиотекарши, завершающая образ. Очки отбрасывали блики, скрывая глаза блондинки, так что Лавчайлд предпочла не судить сгоряча и не сбрасывать старую деву со счетов. Третьей в их компании была миловидная брюнеточка, невысокая и крепенькая, неуверенно мнущая в руках блокнот. Она выглядела, как студентка, которую преподаватели впервые привели на практику. Чтобы посмотреть, как работают настоящие профи. Что же до мужчины...

Он был прекрасен. Даже не так – он был идеален. Ни одной неправильной черты. Мечта всех женщин.

Только бросив на него один взгляд, Лавчайлд отвернулась. Она терпеть не могла совершенных мужчин. А этот, к тому же, пугал ее до чертиков: несмотря на мягкое выражение лица, в глубине его глаз светилось что-то... первобытное. Колдовское, почти людоедское.

– Что ж, наш милый трофей очнулся, – улыбнулась самая старшая женщина, выступая вперед. Видимо, она была лидером группы. – Надеюсь, ты сладко спала, дорогая, потому что скоро тебе придется день и ночь работать на нас.

– Что вам нужно? – просипела Лавчайлд и попробовала откашляться. Легкие и горло заныли, словно в них перетерали песок.

– Ничего особенного. Только то, что ты можешь нам дать без труда. Твое главное сокровище.

– Запах... – на сей раз Лавчайлд шептала потому, что опешила. Как можно было украсть у нее то, что дала природа? Но, судя по решительным лицам гостей, они знали способ. И, возможно, очень болезненный.

– Мы давно наблюдали за Вами, миз. И выяснили, что Вы идеально подходите для нашего эксперимента, – женщина зловеще улыбалась, чеканя слова. Ей явно доставляло удовольствие смотреть, как все ниже и ниже опускается голова обескураженной, испуганной Лавчайлд. – Какое счастье, что мистер Квинн не спускает своим наемникам невыполненных обещаний.

Ребекка пробормотала все проклятия, что смогла вспомнить, в адрес бывшего друга и любовника.

– Он ведь мне даже не заплатил!

Женщина пожала плечами.

– Это не мои проблемы, милая. Идемте, девочки, – она повернулась к ассистенткам и подтолкнула их вон из комна-

ты. – Вы ведь уже оценили перспективу? Ощутили этот запах?

Дверь за ними закрылась. С пленницей остался только мужчина. Ребекка попробовала посмотреть на него иным взглядом, ища в его лице то, что не заметила в первый момент: может быть, сострадание, жалость? Хотя бы вождеделение. Но наигранно-веселое совершенное лицо осталось пустым, как у гипсового изваяния.

– А я буду Вашим надзирателем, леди, – мужчина с улыбкой поклонился. Лавчайлд предпочла, чтобы его губы издевательски искривились, но нет – на лице ее пленителя была все та же участливость, что и в первую минуту. Будто он был и впрямь рад ей. – Говорите, если Вам что-нибудь понадобится. Кстати, меня зовут Бен.

– Мне похер, – огрызнулась Лавчайлд и закрыла глаза. Она слышала, как Бен хмыкнул и вышел, закрыв за собой дверь. Через секунду слепящий свет ламп перестал рваться ей сквозь веки.

Одна из похитительниц – самая младшая, брюнетка – пришла покормить Лавчайлд. Пленница не знала, сколько прошло времени, но, судя по вконец затекшим конечностям и чувству голода, минуло несколько часов. Несмотря на то, что обед состоял из противной пресной похлебки и остывшего картофельного пюре, Лавчайлд с жадностью тянулась губами к ложке. Когда еда закончилась, брюнетка вытерла пленнице подбородок салфеткой и, собрав посуду, направилась

к выходу. Но, не дойдя до двери, вернулась, наклонилась к Лавчайлд и шепнула ей на ухо:

– Я приду через шесть часов. И... мне очень жаль, мисс.

Лавчайлд отвернулась. Не сказать, чтобы она почувствовала расположение к покормившей ее девушке – слишком большой опыт, слишком подозрительный характер. Но и ненавидеть ее она тоже не могла. Девчонка явно была вынуждена участвовать в сговоре с более старшими напарницами. Или остаться навечно обреченной: когда она наклонилась, Лавчайлд затошнило. От девушки омерзительно пахло. Разложением и полупереваренной пищей, словно у бедняжки был вспорот живот. Не будь та одета в короткий полупрозрачный топ, Лавчайлд бы в это поверила.

По крайней мере, теперь ей стали понятны мотивы сумасшедших стерв, задумавших выкрасть ее секрет притягательности.

Лавчайлд не знала, слышит ли ее Бен и где он вообще находится – за дверью или в какой-то комнате, просто оснащенной камерой слежения? Как ей следует его позвать? Заорать? Или же он прибежит только тогда, если случится что-нибудь, что будет невозможно игнорировать? Девушка облила губы. Во всяком случае, громко сообщать о таком она не собиралась.

Но прошло немного времени, и Лавчайлд решила, что готова наступить на горло собственной гордости. Она крикнула – раз, другой:

– Бен! Бен!

Он отозвался не сразу. Сначала спросил из-за двери, затем, спустя несколько минут, видимо, потраченных на то, чтобы заглянуть в камеру через экран (Лавчайлд была уверена, что находится под видеонаблюдением), открыл дверь. Одну – охранника и пленницу разделяла решетка, закрывавшая выход. Видимо, похитители были неоправданно высокого мнения о пойманной девушке – не могла же Лавчайлд освободиться от пут! А без них ее вряд ли собирались держать в палате.

– Что-то не так, леди? – любезно поинтересовался Бен, улыбаясь своей ребяческой улыбкой – растянув губы и наклонив голову. Лавчайлд отвела взгляд, чтобы не видеть его, настолько сильно он ее пугал и отвращал.

– Мне нужно в туалет, – промямлила она. Бен не ответил, и девушка повторила, уже громче. Но он снова промолчал, только пожал плечами, когда Лавчайлд, нахмурясь, снова на него посмотрела.

– Я не буду выводить тебя из камеры, – спокойно сказал охранник. – Только если тебе станет плохо.

– Но мне плохо! – Лавчайлд сорвалась на крик. Ответом ей снова было беспечное движение плечами.

– Пописай здесь.

Девушка вспыхнула и отвернулась. Она и так была в донельзя унижительном положении, усугублять его не хотелось. Но физиология взяла свое... Лавчайлд надеялась, что Бен

если не уйдет, то хотя бы отвернется... но его взгляд, напротив, прикипел к ней, жадный, воделеющий. И без того омерзительный, охранник стал совершенно противен девушке.

– Гребаный извращенец, – пискнула Лавчайлд, когда он понял, что она закончила и, отступив на шаг, закрывал железную дверь. Как только он ушел, девушка расплакалась. Она догадывалась, что он видит ее в камеру слежения и, возможно, получает от ее слез только еще большее удовольствие, но остановиться никак не могла.

– Тебе нужно помыться. От тебя уже плохо пахнет.

Лавчайлд вздрогнула. В ее камере воняло – и к исходу вторых суток она уже привыкла к этому, но слова Бена насторожили ее. Он не выпускал ее в туалет, а теперь вдруг озабочился состоянием пленницы? Если не играть дуру всерьез, сказала она себе, то можно предположить, что ее привезли в какую-то лабораторию, где будут узнавать ее секрет притягательности. Значит, она должна хорошо пахнуть. Для этого ее и выводят из камеры – чтобы очистить от грязи. От мысли, что этим, возможно, будет заниматься Бен, ее всю передернуло. Но напрасно. Он только освободил ее от смирительной рубашки, оставив в платье, и помог дойти до душевой. А там толкнул за белую дверь и оставил в одиночестве.

Сначала Лавчайлд просто села на пол и тихо похныкала: напряженные нервы требовали разрядки. Потом кое-как

поднялась, держась за стену, разделась и побрела в душ. Она любила принимать ванну, и, наверное, в другом каком-то случае вознегодовала от ее отсутствия, но два дня здесь были слишком тяжелы – девушка обрадовалась просто возможности помыться. Сперва она, правда, долго стояла под струями воды, не шевелясь, наслаждаясь ощущением капель, орошающих кожу. Потом пощупала мышцы – в порядке. Слабость, конечно, была: в том числе от неподвижности, но в большей степени, видимо, от неких препаратов, которыми мучители тайно пичкали пленницу. Ей особенно не было интересно, каким образом – все равно она не могла отказаться от еды и питья. Возможно, это даже был какой-то газ. Не все ли равно? Если бы Лавчайлд невольно не отрезала себе пути к отступлению, сейчас кто-то из бывших напарников или любовников разыскивал бы ее: Макс, Гарри Янг... Но она сожгла все мосты.

Лавчайлд вылезла из душа, взяла с плохо прокрашенной деревянной скамьи небольшое вафельное полотенце и, встав у запотевшего зеркала, принялась вытирать волосы. Серебристая поверхность напротив ее лица постепенно прояснялась – вот стал виден нос, различимы глаза и щеки... Лавчайлд опустила лицо. Не идеальные, хоть и довольно милые черты, но без косметики – какая-то серая мышка, ей-богу. Да, Лавчайлд всегда брала другим. Харизмой и, в первую очередь, запахом, но сейчас, уже решив для себя, что проживет и без феромонов, она поняла, что ошиблась. Без сво-

его уникального запаха она уже не будет так соблазнительна. Девушка тяжело вздохнула. И тут на ее плечи легло пушистое мягкое полотенце. Огромное, она могла бы завернуться в него, укрывшись от шеи до пят. Лавчайлд подняла взгляд на зеркало – за ее спиной в мутном запотевшем отражении виделось лицо. Бена. Его руки, оставляя ее плечи, скользнули ниже, промокая влагу с груди Лавчайлд. Приподняли их, будто невзначай лаская, продвинулись еще ниже, на талию, и замерли там.

– Я не настолько ослабла, – дрожащим голосом остановила мужчину девушка. – я могу вытереться сама.

– Как скажете, леди, – хмыкнул Бен, убрав руки. И вышел. Полотенце соскользнуло на пол. Лавчайлд не подняла его – стояла, так и пялясь в зеркало, пока капли воды на ее теле не высохли.

Но передышка длилась недолго. Лавчайлд не ошиблась в своих предположениях: ей разрешили помыться ради того, чтобы вонь от грязи не перебивала аромат естественных феромонов. Невзирая на ее протесты, Бен подхватил (наильно!) закутанную в полотенце девушку на руки и отнес в ярко освещенную комнату со слепяще-белыми стенами. Судя по всему, лабораторию, где над пленницей с этого дня начинались опыты.

В комнате уже были все три женщины, навестившие Лавчайлд после того, как она очнулась.

Они завели ее в матовую то ли стеклянную, то ли пласти-

ковую коробку, похожую на душевую кабину. Со всех сторон просветили желтыми и красными лучами, обдали паром и холодным воздухом. Потом открыли дверцу. Лавчайлд почти вывалилась в руки Бену – ее не держали ноги. Видимо, в еде, что ей дали с утра, все-таки были какие-то седативные средства, однако в слишком слабом количестве, чтобы сразу ее обездвигить. Но теперь, переволновавшись, девушка лишилась сил.

Самая старшая женщина что-то смотрела на компьютере, присоединенном к кабинке, и качала головой. Затем приказала приковать пленницу к некому подобию дыбы, которая стояла у Лавчайлд в комнате. Только теперь ее еще и как следует вытянули – плечевые суставы мгновенно заныли. Две женщины, те, что были помладше, встали по обе стороны от Лавчайлд и взяли у нее образцы слюны, крови и пота, состригли прядь и проделали еще много неприятных и унижительных процедур. Но пленница даже не пискнула. Только зажмурилась, чтобы не видеть, как шарит взглядом по ее телу Бен. Он же, черт побери, был извращенцем! А она, кажется, нормальная женщина. Не должна она была ему нравиться, не должна. И аромат ее был рассчитан на обычных мужчин, которые не тащатся от того, что связанная девушка мочится у них на глазах. Во всяком случае, так Лавчайлд казалось... Ее настоящий запах остался – исчез только химически созданный аромат цветов и фруктов, которым Лавчайлд сглаживала свою истинную магию. Какие-то запахи принято

считать приятными и манящими, а какие-то – просто вонюю, поэтому ей приходилось хитрить.

– Я больше не чувствую от нее ничего удивительного, – покачала головой блондинка, втягивая носом воздух, так что ноздри слипались, – то есть, конечно, что-то такое присутствует... Но слишком слабо.

– А как ты думаешь, я же мылась, – огрызнулась Лавчайлд. Блондинка обожгла пленницу неприязненным взглядом.

Старшая женщина отвернулась от компьютера и смерила их обеих долгим взглядом. Каждую, по очереди, просканировала от макушки до пят, словно видела насквозь. Затем хлопнула в ладоши:

– Бен!

Парень напрягся, вытянулся в струнку, подобно гончей, почуявшей след.

– Аманда, освободи нашу милую подопытную мышку.

К Лавчайлд подошла самая младшая из женщин, та, что приносила еду, покрутила зажимы и позволила кистям и щиколоткам выскользнуть на волю. Старшая женщина сделала знак рукой, и Бен шагнул к пленнице, легко обнял ее за талию, наклонился и поцеловал. Лавчайлд собиралась отстраниться, но не успела – горячие мягкие губы прижались к ее рту, обжигающий язык скользнул внутрь... Девушка вздрогнула, тот жадный розовый зверек у нее между ног, любящий заглатывать, задрожал и начал истекать слюной в неистовой жажде прижаться к Бену и попробовать его на вкус. На пе-

риферии сознания Лавчайлд крутилась мысль, ужасавшая ее – осознание, что она обжимается с извращенцем, – но тело жило своей жизнью, инстинкты поглотили ее разум, в голове ярче неоновой рекламы вспыхивало только одно: да, да, ДА, это мужчина!

Бен толкнул ее на кушетку, но, упав на холодную клеенку, Лавчайлд плотно свела ноги: как только поцелуй закончился, возбуждение сменилось отвращением, какое у нее с первой секунды вызывал этот моральный урод. Мир снова рухнул на девушку, мозг с удивлением, словно просыпаясь, вспомнил, что вокруг серые стены, безжалостное белое освещение и запах, как в больнице. Лавчайлд поежилась, сердце ее неистово заколотилось, так что грудь заболела, и весь белый свет перестал существовать – осталась только эта оглушающая, ослепляющая боль от страха, подобного которому Ребекка еще никогда не испытывала.

– Берите у нее образец, – скомандовала старшая женщина, и Аманда с третьей, чьего имени Лавчайлд не знала, схватив пленницу за щиколотки, развели ее ноги в стороны. Не деликатничая, точно их не волновало, не вывихнут ли они похищенной девушке колена. Та больше не сопротивлялась: ждала, пока боль утихнет.

Бен усмехнулся и направился прочь. С каждым шагом, увеличивавшим расстояние между ними, боль в груди Ребекки потихоньку уменьшалась.

Наконец, у Лавчайлд взяли последний анализ – мазнув

ваткой между ног – и вернули ее на приспособление, похожее на дыбу. Девушка не сопротивлялась. Она слишком ослабла от пережитого страха, чтобы даже держать глаза открытыми. Нет, не в испуге было дело. В унижении, к чему Лавчайлд не привыкла. Как только ее руки оказались зафиксированы, Ребекка закрыла глаза и провалилась то ли в обморок, то ли в сон. Ей было мерзко. Ей было стыдно. И мозг предпочел отключиться.

Когда она вновь открыла глаза, то обнаружила себя все в той же комнате, все в том же положении. Двух женщин и Бена видно не было, одна только блондинка что-то усиленно вытирала с пола шваброй, медленно огибая «дыбу» по дуге. Лавчайлд покрутила запястьями:

– Зачем это все? Думаете, я сбегу?

Носатая блондинка не ответила, продолжая что-то протирать за спиной девушки.

– Ну что ж, можешь не отвечать. Я поняла, я тут полностью лишена прав. Странно только, что вы думаете, будто добьетесь того, чего хотите, с помощью насилия. Если бы вы давали мне нормальную пищу, а лучше – по четко составленному мною меню, позволили некоторую физическую активность и, в первую очередь, прекратили распинать, как мученицу, я бы вскорости дала вам то, чего вы так хотите.

Блондинка замерла, стоя возле плеча Лавчайлд, так что та видела только затылок собеседницы.

– И что же, по-твоему, нам нужно от тебя?.. – казалось,

блондинка готова была добавить нелестный эпитет, но чудом сдержалась.

– Мой запах. Единственное сокровище, которое у меня есть, я ведь девчонка из трущоб, – Лавчайлд хмыкнула. – Но я вполне вас понимаю. Если пахнуть так, как вы, подружки, трудно рассчитывать на хорошего мужчину.

Блондинка бросила швабру и встала напротив распятой Лавчайлд, сложив руки на костлявой груди. Она ждала, что пленница скажет еще что-нибудь, но та молчала. Выжидала, чтобы не спровоцировать вспышку гнева, пока так беспомощна.

– С такими сиськами... неудивительно, что ты шлюха, – злобно выплюнула блондинка, не сводя взгляда со снисходительной улыбки Лавчайлд. Пленница звеняще хмыкнула. Она не обиделась на слова белобрысой, но строгость, с которой с ней обращались, сделала Ребекку менее сдержанной, чем обычно.

– Шлюха или нет, но, по крайней мере, я могу выбирать. – Она понимала, что рискует навредить себе самой, но уставший мозг отключился, точно от водки. – А тебя трахает хотя бы Бен? Что ж, может быть. Он же знатный извращенец, вполне возможно, его заводит запах дерьма, который от тебя исходит.

Лицо блондинки исказилось, и Лавчайлд с досадой поняла, что попала в точку. Ее передернуло – касания Бена вдруг показались ей еще отвратительней.

– Сука! – взвизгнула белобрысая и вскинула было руку, чтобы отвесить пленнице оплеуху, но ее остановил голос:

– Мишель!

Блондинка обернулась. Позади нее стояла старшая из женщин.

– Миз Брук...

– Она права. Мы должны дать ей нормальной еды, – миз Брук подошла к Лавчайлд и принялась освобождать ее от кандалов. – Мы отведем тебя в столовую. Там поешь. Бен тебя накормит.

Лавчайлд содрогнулась – снова Бен...

Он встретил ее улыбкой, блеском глаз – «я знал, что ты придешь». Или «знал, что тебя рано или поздно приведут ко мне». И Лавчайлд, взглянув в это молодое красивое лицо с сексуальной щетиной, вздрогнула всем телом. Повторила несколько раз про себя: «ты сможешь!»

Сможешь сдержаться, не заплакать, даже, кто знает – втереться в доверие этому дьявольскому Аполлону?

Она совсем не была в этом уверена.

– Хочешь, я приготовлю тебе кофе? – улыбнулся Бен, усадив девушку на стул. Задержал руки на плечах Лавчайлд на несколько секунд... потом медленно убрал.

– Как тебя зовут на самом деле? Ведь Лавчайлд – только фамилия.

– Ребекка.

Он наклонился к ней, щекоча дыханием шею.

– Я буду звать тебя Бекки.

Лавчайлд затошнило от страха, в солнечном сплетении вновь сжался комок боли.

– Ты мне в какой-то мере симпатична. Хочешь услышать совет? Ты не сопротивляйся, главное. Расслабься. Не строй из себя амазонку, – Бен закончил готовить кофе, налил ароматный напиток в кружку и поставил перед Лавчайлд на стол. – Сильные женщины, это, знаешь, отвратительно. К ним тянутся слабые мужички. Для равновесия. Нет ничего более противоестественного, чем подобная пара.

Он наклонился к ней, подставляя свою улыбку, и Лавчайлд, хоть не могла даже оторваться от спинки стула, напряглась и изо всех последних сил залепила Бену оглушительную пощечину. Ее от ладони до плеча свело судорогой, рука повисла плетью, дрожа, но мужчина покачнулся и чуть было не упал – отскочил, спустя секунду, прижимая пальцы к покрасневшей щеке, однако, без малейшего удивления. Лавчайлд закрыла глаза. Вопреки обыкновению, она не чувствовала удовлетворения, хоть раздражение на этого ублюдка и поутихло. Но, в любом случае, рядом с ним ей все-таки было слишком непривычно...

Что ж. Говорят, Люцифер был светлейшим из ангелов, даже после падения он оставался хорош собой. Лавчайлд могла бы поклясться, что у князя лжи была точно такая же улыбка, как у Бена.

«...хреново.» – Подумала Лавчайлд, силясь не продол-

жать аналогию даже мысленно. Она и так понимала, что попала в ад. Незачем было самой себе напоминать. И тем более, незачем крутить в мозгу мысль, что грешники из ада не уходят.

Глава шестая. Лучший выбор

Луна командует потоками творенья. Но тело женщины командует не меньше.

Джеймс Хэвок, «Лихорадка белого мяса»

Спустя несколько дней, когда Лавчайлд вернули в камеру после очередного обследования, она вдруг обнаружила, что вместо колодок и смирительной рубашки ее ждут легкое хлопковое платье и настоящая кровать. С одеялом. Но девушку это не обрадовало: изменения означали только то, что теперь пленнице будет доставаться повышенная доза успокоительного. Никто не станет ей доверять – пока не доведет до полного одурения, когда даже ходить она не сможет. Лавчайлд закрыла лицо руками и рухнула на кровать. Прямо у нее над ухом раздался смешок, и девушка тотчас распахнула глаза, объятая ужасом – ей показалось, что над ней навис Бен. Но нет, его даже не было в камере. Или звук его смеха почудился ей, или донесся из устройства связи, которое, однако же, не было на виду. Возможно, его вмонтировали в кровать. Но Лавчайлд было плевать на это... если Бен не вздумает болтать с ней по ночам.

Нужно ли ей с ним переспать? Лавчайлд дрожала от одной мысли об этом. Он пугал ее уже не просто как слишком идеальный внешне мужчина – свои религиозно-невротиче-

ские страхи девушка давно уже научилась преодолевать ради дела, но... Бен был противен ей из-за его природы, извращенной, подчиняющейся непонятным ей законам логики. От одной мысли, что он может овладеть ею, по всему телу Лавчайлд бежали мурашки. И то были не признаки дрожи наслаждения... Подобно героине Мопассана, легко вступая в связи ради удовольствия и денег, Лавчайлд не могла представить, как отдается врагу.

Лучше умереть, повторяла она про себя, лучше умереть.

Но Судьба нередко решает все по-своему, не позволяя людям даже заикнуться о том, что они для себя бы желали. Как говорится, хочешь насмешить Бога – поведай ему о своих планах.

Еще раньше, чем Лавчайлд решила, что если ее побег будет зависеть только от секса с охранником, то с вечным заточением (или скорой смертью) стоит примириться – и хоть раз, черт побери, выдержать испытание с расправленными плечами! – ситуация изменилась. С утра, перед обследованием, как обычно, ее повели в душевую. И, снова, по своему обыкновению, девушка после водных процедур подошла к запотевшему зеркалу, ожидая, когда оно сможет отразить ее.

Пар понемногу рассеивался, и вот Лавчайлд уже видела свои глаза, влажные губы, мокрые волосы, облепившие плечи, шею... Девушка улыбнулась. Нет, конечно, корни отрасли и форма бровей уже не изысканна, но она все-таки еще была хороша. Чертовски хороша. По ее просьбе ей начали

давать именно те продукты, которые она просила (а Ребекка схитрила и назвала в том числе лакомства, которые давно хотела попробовать). Лавчайлд подняла руки, покрутилась перед зеркалом, приподняла груди, как если бы они были в лифчике, и снова улыбнулась, еще более довольна, чем раньше. Красавица. Она выжала волосы и перебросила их сначала на одно плечо, затем на другое. И подумала, что тут, взаперти, совсем истосковалась без мужского внимания. Как неосмотрительно она раньше не ценила своих поклонников, легко отвергала их – и если бы во имя целомудрия! А здесь... был только Бен. Худший вариант из всех возможных. Однако, Лавчайлд вновь благоухала – и была в восторге от себя. Ей нужно было куда-нибудь выплеснуть накопившуюся энергию. Она провела руками по своему телу, стирая последние капли, не успевшие просохнуть, и лаская кожу, оперлась одной рукой о бортик раковины, а вторую положила на лобок. И тут на ее ладони легли теплые – почти горячие грубые руки. Кроме Бена, они не могли принадлежать больше никому.

– Не растрчивай впустую, – шепнул он ей на ухо, и прежде чем расслабленная после душа Лавчайлд собралась с мыслями, легко перехватил ее за бедро, приподнимая и открывая себе путь.

– Нет, – успела шепнуть девушка, но Бен уже легко проскользнул внутрь, не встречая сопротивления от жаждущего распаленного тела. Лавчайлд дернулась, и рука Бена стисну-

ла ее горло, мужчина прижал пленницу к себе, почти обездвижив. Не хуже, чем смирительной рубашкой.

– Мне больно!

Он не ответил.

Бывала в ней и такая мощь, но давно, так что она успела забыть. Лавчайлд не смотрела в зеркало. Сперва ей было противно и она пыталась представлять Гарри, но Бен совсем на него не походил. И спустя какое-то время девушка задрожала уже от осознания, что ею пользуется именно ее надзиратель – извращенец с дикими глазами колдуна. Ощущение предельного унижения превратилось в странное, дикое удовольствие, Лавчайлд начала выгибаться, насколько ей это позволяли крепкие объятия Бена, и тихо постанывать. Она хотела, чтобы он убил ее в момент наивысшего наслаждения – ей было так странно приятно, но после должно было стать стыдно и плохо. Девушка не ошиблась, но то, что происходило с ней у зеркала, было нечеловечески хорошо.

Когда девушку ненадолго вернули в камеру, она сразу же рухнула на кровать и проспала несколько часов. Ее не стали будить: видимо, миз Брук, Аманда и Мишель почувствовали, что начинают медленно, но верно двигаться к намеченной цели: анализы пленницы были все лучше и лучше.

Через какое-то время Лавчайлд встала и отошла в угол, к судну. На трусиках обнаружилась кровь – уже подсохшая. И с неприятным, резким запахом, какой оставляют раны, но не менструация. И вообще – для месячных было слишком

рано...

Ребекка так испугалась, что чуть было не села прямо на пол голой задницей, забыв натянуть белье. Но она вовремя уперлась рукой в стену, с трудом поднялась на отнявшихся от ужаса ногах и привела в порядок одежду. Юбку она оправила раз двадцать, не меньше, не зная, как еще успокоиться. Сердцебиение громом kloкотало в горле.

Она всегда пользовалась одновременно и оральными контрацептивами, и презервативами, чтобы избежать всех возможных неприятностей, но с Беном... Сколько она уже не пила таблетки? Какова вероятность?.. Лавчайлд заломила руки и уселась на кровать. Ее могла спасти только Мишель – все-таки ей тоже приходилось как-то ограждать себя от риска обзавестись маленьким Беном. Сомнительное удовольствие, подумала Ребекка и негромко нервно рассмеялась. Невесело.

Мишель она дождалась, когда та явилась препроводить пленницу в лабораторию. Но они никуда не пошли: Лавчайлд с ходу, не тратя время на приветствие, сказала, что ей нужна «таблетка завтрашнего дня». И Мишель замерла. Несколько секунд кривила рот, будто не зная, вытолкнуть за губы рвущиеся слова или напротив, проглотить их и постараться не подавиться. Затем спросила:

– Так значит... Бен? – Это был вопрос менее глупый, чем могло показаться. Содержавший в себе больше смысла, чем прозвучало слов.

Лавчайлд стыдливо кивнула. По лицу Мишель метнулись тени, порожденные сотней гримас, сменявших друг друга: гнев, зависть, презрение, война, проклятие, смерть.

– Если ты думаешь, что такое издевательство будет мне на пользу, то ошибаешься. Через несколько недель, может быть, даже дней, мой запах исчезнет. Он же призван только манить самцов, а если организм поймет, что это больше не нужно, он успокоится, – прорычала Ребекка. – Не глупи же. Сделай так, чтобы мы обе остались в выигрыше.

Мишель тотчас порылась в перетянутой через плечо сумке и бросила пленнице таблетку. Та ударила Лавчайлд над бровью, отскочила на пол и покатилась, собирая грязь. Мишель захлопнула дверь и, судя по частому цоканью каблучков, побежала. Лавчайлд подняла таблетку, обтерла о рукав платья и разжевала.

На следующий день у Лавчайлд взяли образцы менструальной крови. И все. На несколько дней ее оставили в покое. Таким образом Лавчайлд получила как раз столько времени, чтобы подумать о побеге и прикинуть возможные варианты. Она выпросила себе болеутоляющего и получила его в достатке – несколько пачек. Их передал Бен – ни одна из девушек за неделю так и не появилась в палате пленницы. Ни чтобы взять у нее анализ, ни чтобы просто проверить состояние... ни, тем более, чтобы поболтать. Но в этом не было ничего странного. В конце концов, они только делали вид, что пригласили к себе в гости подружку, с которой можно

посидеть на кухне... пока не захочется обозвать ее шлюхой и получить оскорбления в ответ.

Зато Лавчайлд разговаривала с Беном. Он не закрывал железную дверь, после того, как девушка пожаловалась на духоту, оставил только решетку и сам беспрерывно стоял у нее, на случай, если стряется что-то непредвиденное.

Ребекка чувствовала, что за стенами ее тюрьмы идет дождь. Не слышала, даже не ощущала запаха, но по немного изменившейся атмосфере воздуха понимала это... Кто-то открыл дверь: ненадолго, на пару секунд, погнав воздух в глубь помещения. И донесся его до Лавчайлд. Она вздохнула – жадно и глубоко, словно оказалась на берегу моря. На краткий миг ей именно так и показалось.

– Эй, Бен. Боишься, что я ведьма? Просочусь меж прутьев текучей водой и сбегу?

Пленница подошла к двери. Здесь действительно оказалось получше, нежели в сгущенной тьме у кровати. Хоть воздух и был наполнен вонью, сопровождавшей везде миз Брук, Мишель и Аманду: аромат мокрой земли растворился, если вовсе не почудился Ребекке. Но в камере было значительно тяжелее: от запахов крови и собственных феромонов Лавчайлд приходила в неистовство. Ни Бен, ни ее пленительницы не знали и не предполагали, что именно во время менструации Ребекка не в себе больше, чем когда-либо.

– Знаешь, я хожу в церковь каждое воскресенье, – призналась Ребекка. – Я примерная баптистка... казалось бы. На

самом деле, ничто так не будит во мне желание, как проповедь о праведной жизни.

Охранник молчал, выжидающе глядя на пленницу. Он не понимал, отчего она стала так разговорчива.

– Я не сбегу, – девушка хлопнула ладонью по прутьям. – Я же не такая худышка, как Аманда. А жаль. Стройные бедра и длинные ноги ныне ценятся больше, чем округлости.

Бен фыркнул.

– Не знаю... Но думаю, это не так.

Ребекка ждала, что он скажет еще... И Бен действительно заговорил. Он немногим меньше получаса бессвязно излагал свои мысли, извращенные, злые, жестокие. Лавчайлд наслаждалась. По ее телу волнами шли отголоски менструальной боли, а она хотела прижаться губами к губам Бена, вдохнуть его неприятный кроваво-лекарственный запах, как у стоматологического кабинета.

«Я буду наказывать себя им, – с восторгом думала Лавчайлд, – это будет мое искупление.»

Наконец, молодой человек замолчал и взглянул на собеседницу. Судя по всему, он надеялся увидеть в ее глазах ужас и теперь был разочарован.

– Ты ведь из тех мужчин, кого нечасто убеждают в их неправоте? – Лавчайлд презрительно улыбнулась, глядя исподлобья. – Ты мыслишь, как эта категория старомодных самцов. Которые считают, что любовь – удел женщин и признак глупости. А они гордо несут знамя самодовольного при-

знания себя похотливыми приматами.

– Я поражен, Бекки. Ты веришь в любовь? – с усмешкой спросил Бен.

Ребекка прижалась лицом к решетке, так что смогла выдохнуть охраннику почти в самое ухо:

– Верила бы, если б за мной пришел один человек... Но он не пришел. Так что – уже нет, – она отстранилась. – И для проститутки это лучший выбор, который она может сделать за свою жизнь.

– Дай угадаю. Тебя изнасиловал пастор? Ставлю свои любимые часы, что это так. – Сказал Бен. – Только интересно, когда. Сколько тебе было? Сиськи у тебя уже выросли или еще нет?

Лавчайлд со странной лаской провела ладонью по железному пруту – Бен стремительно вскинул руку, сжал ладонь девушки, до боли, до быстрого онемения. Он ждал увидеть в глазах пленницы хоть что-нибудь, что бы доставило ему удовольствие.

– Твой лучший выбор – иной. – Его пальцы медленно разжались. – Я тебе точно это говорю.

– Очень может быть. На самом деле я люблю боль, – Лавчайлд улыбнулась. По краю губ, там, где иные девушки рисуют себе полоску карандашом, у Ребекки проходила тонкая естественная темная линия. – Плохую боль. Не ту, что во время грубого секса, а... вынимаемая из плоти пуля. Вправляемое плечо.

Мужчина озадаченно склонил голову набок. Лавчайлд усмехнулась и отошла от решетки. Вернулась к кровати, легла на нее лицом к стене и затихла. Бен, должно быть, подумал, что девушка заснула. Но она прободрствовала всю ночь. Ее похитители не учли одного: Лавчайлд была из трущоб. Она провела там все свое детство и большую часть юности. Она научилась трем вещам: ждать, терпеть и бороться. Эта женщина не просто была готова дорого продать свою жизнь. Нет, навредить недругам перед смертью – последнее дело! Лавчайлд собиралась выбраться.

Иногда ее тело готово было сдаться. И тогда ее разум говорил: нет. Никогда.

– Зачем ты сюда пришел?

– Мне нужна Ребекка.

Квинн даже не сразу понял, что Гарольд Янг говорит о Лавчайлд.

– Ах она... я не знаю, где она. Ты видел сам, она взмахнула подолом – и фьюить! Растаяла в воздухе. Знаешь, с ней это часто бывает, особенно в плане махания подолом и всем таким прочим... – Квинн насыпал на папиросную бумагу табака, собираясь скрутить себе сигаретку, но Янг схватил его за пиджак, выдергивая из кресла. Табак просыпался на пол.

– Сволочь... Добился-таки своего. Должность тебе отдам, наследство, все, что хочешь, отпишу на твое имя, только скажи, где она.

Квинн победно улыбнулся.

– Отпиши, будь добр, брат, отпиши. А Лавчайлд... ищи ее, – он указал рукой куда-то за окно. – Я могу сообщить тебе довольно небольшое. Готов заплатить столь высокую цену, как заявил?

Янг стиснул зубы так, что челюсть заныла. И Квинн с удивлением понял, что его брат уже давно вовсе не тот хлюпик и нытик, каким был в школе... когда Квинн сбежал из семьи.

Глава седьмая.

Укрощение строптивой

*Шейх блудницу стыдил: «Ты, беспутница, пьешь,
Всем желающим тело свое продаешь!»
«Я, – сказала блудница, – и вправду такая,
Тот ли ты, за кого мне себя выдаешь?»
Омар Хайям. Переводчик: Г. Плесецкий*

За несколько дней, которые Лавчайлд потратила на то, чтобы кататься по кровати от растаскивающих ее в разные стороны боли и сумасшествия, нашептанного многократно усилившимся запахом, она успела приблизительно, примерно сообразить, как же ей выбраться живой и – хотя бы относительно – здоровой из этой западни. В краткие периоды беспокойного сна, когда зрачки метались под опущенными веками, ее мозг, против воли сознания, прокручивал варианты. И, наконец, когда девушка начала приходить в себя, она поняла, что знает, как действовать. Разумеется, это потребовало бы определенных жертв – но ничего страшнее, чем смерть в этом вонючем бункере, явно помыслить было невозможно.

Ребекка села на кровати, перекинула через костяшки пальцев таблетку обезболивающего, словно монетку, и улыбнулась.

Когда Лавчайлд привели в лабораторию, после недельного перерыва она едва узнала помещение. И кое-что ей понравилось – например, ряд склянок с узнаваемыми надписями на латыни на этикетках.

– Вы согласились выполнять все мои прихоти? – с улыбкой спросила Ребекка. Ей ответила миз Брук:

– Конечно. И даже больше... – женщина махнула рукой на удобное кресло, напоминающее гинекологическое, сменившее пыточные приспособления с ремнями, на которых пленницу растягивали ранее. – Аманда, займись ею.

На этих словах Мишель развернулась на каблуках и вышла из лаборатории, кажется, обрадованная тем, что ей не придется касаться Ребекки. Лавчайлд тоже повеселела, особенно от осознания, что Бен не будет в этот раз присутствовать.

– Это рядовое обследование, – сказала Аманда, когда Ребекка разделась и легла, – на основе его результатов мы будем строить дальнейшую линию исследований.

– Вот как.

Аманда улыбалась так, словно они с Лавчайлд были подругами и одна просто оказывала другой любезность.

– Мы, конечно, никуда не торопимся, но уже потеряли неделю, а мне еще нужно вернуться в университет, Мишель – на работу. Приходить со временем сюда станет сложнее, – щебетала девушка, ничуть не смущенная тем, что говорит. Реакция Лавчайлд ей на деле не была интересна. – Но тебе

будут предоставлены все условия. Как, нравится твое новое кресло?

Ребекка презрительно хмыкнула. К ней наклонилась миз Брук.

– Что ж, я пойду, а вы с Амандой поработайте немного. Я вижу, вы уже сдружились. Ах да, вот еще что. Я наказала Бену впредь пользоваться презервативами. – Женщина улыбнулась. – Надеюсь, близость с мужчиной пойдет тебе на пользу.

Она потрепала пленницу по щеке.

«Знаете, что самое пугающее в нем?» – мысленно сказала Ребекка в спину миз Брук. – «Это его рот. Черная дыра, кажется, оттуда вот-вот полезут змеи, тараканы. Я хотела бы разорвать этот рот, чтобы в него мог проникнуть свет. И чтобы он перестал походить на Ваш.»

Когда обследование закончилось, Лавчайлд спрыгнула с кресла и начала одеваться. Аманда не поднимала головы, что-то записывая в журнале. Ребекка уже было подумала, что сейчас ее поведут в столовую и собралась спросить о меню – выполнили ли и эти ее пожелания?.. Но прежде, чем девушка открыла рот, Аманда заговорила.

– Я от тебя, признаться, такого не ожидала. То есть, конечно, ты торгуешь собой и все такое, но...

– Прости? – Лавчайлд опешила.

– Я так удивилась, когда узнала, что ты переспала с Беном, – щебетала Аманда так, словно говорила о погоде. –

Я вообще странно свыкаюсь с мыслью, что ты проститутка. Мне казалось, они не такие... Ну, вульгарней... А тебя так даже и называть не хочется, ты такая тихая. Правда. «Слышал брань я, Но хуже нет для девушки прозванья.»⁷

– Замолчи, – устало отмахнулась Лавчайлд. Ей хотелось плакать. С Мишель она бы не стала даже говорить на эту тему, но Аманда была ей даже немного приятна... И Лавчайлд как прорвало: она села на кушетку, словно ноги ее вмиг онемели и начала плакать, сначала тихо, закрывая руками глаза, затем, громко, зажимая уже рот. Но тщетно. Только спустя несколько минут девушка смогла всхлипывать потише и попросила у Аманды сигарету.

– Но тебе же нельзя... запах...

Лавчайлд подняла на Аманду взгляд, и выражение ее лица – одновременно злое и страдающее, заставило Аманду вздрогнуть. Та беспрекословно протянула пачку сигарет.

– Ты даже вообразить себе это не можешь. В каждой компании помнят, что ты проститутка. Даже если ты одета приличнее, чем прочие женщины, все присутствующие смотрят на тебя, и, прежде чем заговорить, мысленно повторяют: она – шлюха. Никто не забывает об этом. Ни на секунду. И ты сама – тоже не забываешь. Как только выходишь в общество.

Лавчайлд с трудом закурила: пальцы дрожали и не слушались, соскальзывая с колесика зажигалки. Когда же ей наконец удалось прикурить, несколько минут Лавчайлд молчала.

⁷ Цитата из пьесы «Укрощение строптивой» Уильяма Шекспира.

Только когда от сигареты осталось меньше трети, она заговорила:

– Ты, должно быть, из богатой семьи. Единственная твоя проблема – это твоя вонь, так? – она намеренно говорила грубо, ей хотелось, чтобы Аманде стало так же больно, как и ей. – А у меня все наоборот. Чудный запах самки и большие сиськи. Как думаешь, сколько путей у девчонки из трущоб в блистательном центре города?

Аманда пожала плечами.

– Ну, ты могла бы выучиться, получить профессию и пойти работать...

– Кем? – саркастически переспросила Лавчайлд. Губы ее дрожали. – У меня нет денег на то, чтобы учиться! Я заканчивала школу в трущобах, там не выдают грантов на университет!

Аманда попятилась. Искаженное страданием лицо Лавчайлд пугало ее больше, чем если бы оно пылало гневом.

– Ты могла бы стать горничной.

Лавчайлд ответила издевательским смехом, затушила сигарету прямо о столешницу, рядом с рукой Аманды и ее дурацким лабораторным журналом.

– Какая же ты дура. У тебя в доме когда-нибудь была горничная? Ты знаешь, что твой отец или брат ее трахал? Очнись, мы не в девятнадцатом и даже не в двадцатом веке, всю домашнюю работу выполняют машины! Даже в трущобах у

каждого есть роботы-пылесосы начала века!⁸ Единственная работа, на которую ты можешь рассчитывать – это проституция. Перед тобой встает только один вопрос: как это называть.

– Извини! Я... Я ничего этого не знала, – промямлила Аманда, хлопая длинными ресницами глупых круглых глаз. – Я думала, это твой сознательный выбор.

Лавчайлд хотелось ее ударить. В этот момент она ненавидела милашку Аманду больше, чем Бена, чем Квинна и всех своих врагов вместе взятых.

– Если бы я только могла вырваться из этого порочного круга... Как плату, как прощальную цену я готова предоставить все, что угодно. Я готова выйти на площадь и разрешить сотне или двум мужиков отодрать меня, только если на этом заработаю достаточно денег, чтобы исчезнуть, сменить имя и внешность... и больше никогда не ложиться в постель из-за голода.

Аманда отвернулась, закрыв лицо руками.

– Ты омерзительна.

– Ты, со своим инфантилизмом, тоже.

Аманда срывающимся голосом прошептала еще одну строку из Шекспира: «И всем известен злой ее язык», что вызвало улыбку Ребекки. Она продолжала смотреть на острые лопатки Аманды, обтянутые зеленым шелком блузки.

⁸ Подразумевается, что действия разворачиваются в середине или в конце двадцать первого века.

Когда девушка повернулась, ее лицо было красным.

– Знаешь, чему меня научил... – «Квинн», хотела Ребекка сказать, но не только же он. – Один парень?

А потом многие, многие после него убеждали ее в этом снова и снова.

– Мир без насилия и секса бесполезен, – Лавчайлд взглянула исподлобья. – Это основные пути достижения своей цели. Через шантаж или запугивание, но даже деньги не столь эффективны... Впрочем, деньги добываются и через первое, и через второе, разве не так?

Аманда попятилась.

– Зачем тебе сексуальная привлекательность? Чтобы отдался парню под луной, а потом сыграть свадьбу в католической церкви и жить с ним в милом домике за белым штукетником?

– Нет, я вовсе не собираюсь... просто мама... «Мой долг святой – повиноваться старшим.»

– Да хватит уже! Поняла я, что ты, в отличие от меня, умненькая.

– Ох. Я знаю, – Аманда с трудом вдохнула. – Что секса и насилия нет только в детстве. Не надо держать меня за дуру. Но я хотела бы...

Ее слова заглушил горький смех Лавчайлд.

– Это у вас, богатеньких. А у нас в трущобах тебя начинают продавать, как только в рот начинает помещаться член.

Аманда охнула и снова отвернулась.

– Это мне бы стоило бояться секса и ненавидеть всех, кто только испытывает ко мне – или вообще к женщинам – влечение. Но я почему-то обзавелась меньшими тараканами, чем ты, девочка. И мне, в отличие от тебя, мой запах нужен как воздух. А ты идешь на поводу у мамочки, я правильно поняла? Она ведь у тебя влиятельный человек, эта миссис Брук.

Аманда пискнула и бросилась вон из лаборатории.

Лавчайлд ухмыльнулась. Ее способность видеть неочевидное не была чем-то сверхъестественным: просто логика и интуиция, помноженные на наблюдательность. Но эти люди собирали о ней информацию у Квинна, а значит – считали, что она ведьма. В глубине души, но все же считали.

Препроводить пленницу в столовую явились Мишель и Бен. Видимо, Аманда где-то рыдала или жаловалась миз Брук. Пока Лавчайлд проводили по коридору, она почувствовала, как откуда-то вновь доносится свежий запах недавно прошедшего дождя, и у девушки защемило сердце. Ей отчаянно хотелось на свободу! Но ей предложили нечто иное.

– Я помню, что ты говорила о физической активности. Тебе нужно, чтобы у тебя вырабатывался адреналин, так? – миз Брук села напротив медленно потягивающей горячий кофе Лавчайлд.

– Да.

– Что ж, тебе повезло. У нас здесь есть бассейн и свободное помещение. Хочешь, чтобы мы установили там пилон

для тебя?

Лавчайлд хмыкнула, потерла озябшими ладонями кружку.

– Что у вас тут, подземный центр развлечений?

Миз Брук откинулась на спинку кресла, глянула на пленницу испытующе.

– Когда я была молода, я была влюблена в одного проповедника. Сумасшедшего фанатика и обманщика, разумеется. Он говорил, что скоро наступит конец света, так что я, молодая глупышка – но, знаешь ли, уже невероятно богатая, построила этот бункер, надеясь спастись.

– Какая отличная теория. Было приятно в нее поверить? Мир с нехваткой женщин. Кого тогда интересуется запах, так?

Лавчайлд не рассчитывала, что миз Брук будет реагировать так же бурно, как ее более молодые напарницы, и оказалась права. Однако ее слова заинтересовали женщину.

– Ты уже отбрила обеих моих напарниц, – ухмыльнулась миз Брук. – Я все видела и слышала. В первый раз – лично, второй – через камеру. У тебя острый язычок, девочка. Впрочем, неудивительно. Другие из трущоб и не выбирают-ся.

– Другие в трущобах и не водятся, – пожала плечами Лавчайлд. В ситцевом легком платье она сейчас не походила на пленницу. Казалось, просто две женщины решили немного поболтать после работы. Две подружки. Нельзя было и заподозрить Лавчайлд во всем том, чем она занималась рань-

ше: шпионаж, проституция, заказные убийства. Девушка была само очарование и элегантность.

– По моим сведениям, так оно и есть, – вздохнула миз Брук, наклоняясь и подаваясь вперед. – Так как, насчет меня можешь что-нибудь сказать? Угадать, трахает ли кто-нибудь меня?

Лавчайлд покатила со смеху. За то время, которое понадобилось ей, чтобы успокоиться, кофе почти остыл.

– Вот уж никогда не думала, что когда-нибудь услышу от Вас такое слово. Ну что ж... С Вами тоже все понятно. Вы не мисс, а миссис, у Вас есть муж, вероятно, тот самый «проповедник», но он Вас совершенно не устраивает, – девушка тоже наклонилась вперед, впиваясь взглядом в зрачки собеседницы. – Всю свою жизнь Вы положили на учебу и работу, думая, что это принесет Вам успокоение. И привлечет хоть кого-нибудь. И, да, не сказать, чтобы Вы так уж просчитались – кто-то все-таки засыпает у Вас под бочком каждый вечер. Неврозы, подтачивавшие здоровье в юности, казалось бы, позади. Но вот Вам исполняется сорок пять... И тут Вы понимаете, что в волосах уже проседе, коленки поскрипывают, на лице появляются морщины, Вы не великий ученый, а имеет Вас хлюпик с пузцом и крошечным членом, который Вы даже не чувствуете.

Миз Брук побледнела, затем, спустя миг – покраснела и глубоко вздохнула. Должно быть, она, как и Мишель, собиралась залепить собеседнице пощечину, но сдержалась, па-

мятутя, что сама попросила ее говорить.

– Муж опостылел, Вам хочется другого мужчину. Любого, только чуть лучше, даже пусть ненамного. Бен? Но ведь он Ваш сын. Это видно невооруженным глазом. Семейное сходство, извращенный тяжелым детством – о, исключительно в обонятельном плане – разум. Мишель? Вы не бисексуальны. Казалось бы, безвыходная ситуация. И тут Вы узнаете обо мне. И теперь Вы намерены сделать мое существование здесь невыносимым, но одновременно дающим плоды, так? Бассейн, вкусная еда, платья. И Бен. Чтобы я не забывалась. Ох, какая глупость!

Миз Брук вскочила, провела руками по бедрам – быстрое нервное движение, замаскированное под простое одергивание юбки, чтобы та не замялась.

– Довольно. Я поражена Вашей пронизательностью, Ребекка. – Миз Брук не сказала «ты забываешься», но Лавчайлд показалось, что эти слова были готовы сорваться с языка ее собеседницы. Она задавала пленнице вопросы только потому, что была уверена: Лавчайлд не посмеет. Ее напарниц Ребекка обидела, да, но на миз Брук она не станет рычать, побоится. И даже не в грубости было дело, миз Брук злилась потому, что оказалось, что она не угадала. – А теперь давайте... Вы посмотрите на бассейн.

Ребекка смогла ежедневно плавать в бассейне. Но удовольствие портило то, что Бен наблюдал за ней, хоть и не

слишком пристально. Должно быть, Лавчайлд в закрытом купальнике мало волновала его чувства. Таким образом, наедине девушка оставалась только в душе. И то, каждый раз она тряслась, ожидая, что дверь распахнется, войдет Бен... Однако целую неделю не случилось ничего плохого. Напротив, казалось, наступила светлая полоса. Мишель и Аманда записывали за Лавчайлд рецепты ее притираний, духов и бальзамов, почти не выходили из лаборатории, но и ее туда не приглашали. Миз Брук время от времени ходила измерить давление и температуру пленницы, качала головой и, натянуто смеясь, уверяла, что день ото дня Ребекка хорошеет. Бен молча смотрел исподлобья, где бы они с Лавчайлд ни находились. Но это длилось лишь до поры, до времени. Когда Лавчайлд наконец пригласили в зал, где она могла размяться, их общение с Беном внезапно возобновилось.

Лавчайлд с удовольствием размялась на коврикe в углу большой комнаты, чувствуя, как позабывшие движение мышцы приходят в тонус, мгновенно твердея. Потом, надев туфли (спортивной перемены одежды, не считая купальника, ей не дали), девушка двинулась к старому другу – пилону. Бен наблюдал за ней: Лавчайлд подошла к шесту не как стриптизерша, скорее, как спортсменка. Хлопнула в ладоши, вздохнула, готовясь, и легко вскинула тело наверх, держась за пилон только одной рукой. Гладко округлились под кожей мышцы, дрогнули от напряжения раз-другой, пока Ребекка

не сменила руку.

Бен замер, пораженный: он считал пленницу абсолютно безопасной... Больше того, слишком крупной, чтобы легко двигаться: слишком большая грудь, слишком широкие бедра. Не та девчонка, которая прошмыгнет под дверь, как котенок. И вот теперь, глядя на то, как без труда Ребекка крутится на пилоне, словно чемпионка, он подумал, что, возможно, недооценил Лавчайлд.

Тем не менее, несмотря на то, что он был заморожен представлением, которое устроила пленница, когда она опустилась на пол, Бен схватил теннисный мяч и с удовольствием запустил им в голову Лавчайлд. Девушка охнула и обернулась, потирая затылок. Она забыла, что находится под непрекращающимся наблюдением.

– Больно, – пробормотала она. Бен словно не услышал. Он медленно, но уверенно и неумолимо начал идти к девушке. Вскинул руку, нацелившись то ли на ее шею, то ли на грудь.

– Прочь от меня, – затравленно пробормотала Лавчайлд, вжимаясь спиной и затылком в стену. Если бы она могла, то исчезла бы, просочилась в другую комнату, но она даже была лишена возможности сотворить простейший трюк...

– Не трогай меня. Не прикасайся!

Мужчина рассмеялся. И Лавчайлд улыбнулась. Она приказала себе – и страх перед ненормальным Беном истаял, уступив место похоти. Может быть, потому она и терпеть не могла идеальных красавчиков, подумала девушка, что боя-

лась, что под натиском чувственности ее тело предаст ее?

Она боялась его, и в первую очередь – боялась возжелать, слишком хорошо зная со стороны, как похоть превращает людей в жалких и податливых наркоманов. Слишком многих она мяла в своих руках, точно пластилин.

И она не хотела становиться в один ряд с ними. Нет. Никогда. Она сильнее этого.

Но Бена-то она ненавидела не за его безупречную внешность, а за то, что он был гребаным извращенцем, трахавшим отвратительную Мишель и не гнушающийся насилием. И когда Ребекка приказала себе воцелеть его, страсть накрыла ее с головой, влилась в ноздри вместе с ее собственным ароматом – и запахом Бена, сильным, звериным, напоминающим о диких волках, подстреленных на охоте. Сила, скорость, кровь – и при этом – оттенок осознания своей печальной судьбы, страх. Даже – ужас. Паника. Но несмотря на то, что Бен боялся Лавчайлд не меньше, чем она его, он приближался. Наступал, как вражеская армия, как прилив, как стихийное бедствие.

– Что ж, если ты так уверен, я могу и потерпеть, – вскинула голову Ребекка. – Ради моих подружек миз Брук и Аманды.

– Лгунья, – пробормотал Бен и прижал девушку своим телом к стене. – Ты же меня хочешь.

Лавчайлд вздрогнула, но вовсе не испуганно. Особенно ее возбудило осознание, что перед нею такой же безумец, как и

она сама. Вот только Лавчайлд «трезвела», когда ее феромоны утихали, а Бен – нет. Он намеренно тискал ее так, чтобы оставить синяки.

– Я готов быть погребенным под этой грудью, Бекки. Пусть мое надгробие будет таким!

Лавчайлд потянулась к Бену, припала губами к его губам, сдвинула свой рот выше, так что шея ее напряглась, пока не смогла поцеловать глаз парня... и тут же – вылизать его с рычанием, как будто готовясь вырвать и пожрать. Бен грубо ее оттолкнул и наотмашь ударил по лицу. Щеку обдало огнем, но не болью.

– Ох, щекотно. Да, ты запомнил мои слова, – захохотала Ребекка, призывно выпячивая грудь. О, она пыталась показать, что хочет боли, жаждет, чтобы он ударил ее, взял нож или бритву и провел ею между грудями, под ними, по внутренней стороне бедер – так, чтобы в первые секунды она не почувствовала ничего, а потом раны раскрылись, распахнулись алым цветком, распространяя страдание. Точно круги на воде от брошенного камня. Она жаждала его насилия. Чтобы он укусил ее за язык, губы, соски, чтобы он кончил ей в рот так, что сперма полилась бы из носа.

– Бекки, – хрипло пробормотал Бен, и Лавчайлд передернуло от желания и омерзения одновременно. От собственных мыслей ее вдруг затошнило. В их животный запах, слившийся из двух в один, вдруг ворвался едва заметный больничный душок из лаборатории.

В следующую минуту Бен протянул руку, схватил девушку за волосы и грубо бросил на пол, не заботясь о том, ушиблась она или нет, сцапал за щиколотку и дернул ее на себя. Лавчайлд заскулила – она ударилась головой, так что круги перед глазами прошли лишь через несколько секунд, и плечом, отчего правая ее рука отнялась. Она вновь почувствовала себя униженной и незащищенной, как всегда рядом с Беном. Составленный план уже казался ей жалким наивным бредом. Но шанс избежать надругательства уже миновал.

Бен грубо содрал с нее туфлю, порвав перемычку, а вместе с тем и чулок. Взял в рот ее палец, медленно облизал и тут же хищно укусил. Кровь полилась по ноге Лавчайлд, девушка не смогла сдержаться и закричала в иступлении. Это было чертовски больно!

– Я не это имела в виду!

Бен не слышал. Оставил в покое надкушенную ногу, так что та безвольно упала ему на сгиб руки, пульсируя болью, и склонился над Лавчайлд. Грубо содрал с нее трусики и рванул ворот платья, так что пуговицы брызнули в разные стороны. И начал прилаживаться, как кот к кошке. Почти плача, Лавчайлд извернулась и пнула его в лицо пяткой целой ноги – сильно, так что из носа у Бена тут же полилась кровь. Но он даже не обратил внимания. Только когда тяжело вздохнул и подавился, кое-как вытер алую жижу под носом. Но кровь продолжила литься, окрашивая в красный его подбородок.

– Будь душкой, Бекки, – каждое слово вырывалось нару-

жу с бульканьем, кровь пузырилась на губах мужчины, – ты же обещала сделать одолжение миз Брук и Аманде. Или я сделаю тебе так больно, что тебе не понравится.

Когда он склонился над пленницей и начал ее трахать, капли падали ей на грудь и лицо.

Потом он поделился с ней сигаретой и они так и сидели на полу, окровавленные, неловко подвернувшие под себя ноги, ссутулившись. Лавчайлд ощущала в голове удивительную легкость и полное отсутствие мыслей. Благословенное, подумала она и улыбнулась. Это слово гулко разнеслось по ее сознанию и исчезло, оставив после себя все тот же вакуум.

Бен затушил сигарету о доски пола и поднялся.

Он протянул руку, чтобы помочь подняться девушке, но она не приняла ее. Попробовала стянуть лишившееся пуговиц платье на груди, но не смогла. Ткань выскальзывала из негнущихся пальцев. Лавчайлд запрокинула голову и засмеялась так громко и отчаянно, пронзительным звуком, который не издавала с самой начальной школы. Она вспомнила, как мечтала о тихой жизни с Гарольдом Янгом, в большом доме, с йоркширским терьером, парой ребятишек и нежным, чувственным сексом раз в неделю. А вместо этого теперь она трахается в какой-то грязной дыре с извращенцем, у которого встает на кровь и мочу.

Бен проводил ее, хромающую, в камеру, но вышел не сразу. Он бережно опустил девушку на кровать и подождал, когда она перестанет рыдать.

– Ну-ну, не надо плакать, – ласково прошептал мужчина, присаживаясь рядом с Ребеккой на жесткую кровать. – Ты такая красивая...

Грубые пальцы Бена скользнули по рассаженной губе девушки, растравляя боль. Лавчайлд почувствовала, что растревоженная ранка снова закровоточила.

– Очень красивая, – мужчина облизнулся и встал. Лавчайлд прочитала по его губам: «тебе к лицу быть избитой» и отвернулась в смятении. Бен неслышно вышел. В воздухе камеры завис удушающий призрачный запах его довольства.

Глава восьмая. Конец

*Вот дама. Взглянешь – добродетель, лед,
Сказать двусмысленности не позволит.
И так все женщины наперечет:
Наполовину – как бы божьи твари,
Наполовину же – потемки, ад,
Кентавры, серный пламень преисподней,
Ожогои, немощь, пагуба, конец!
Уильям Шекспир, «Король Лир»*

Впервые в жизни Лавчайлд чувствовала себя оскверненной. Секс всегда был для нее только работой, она отдавалась омерзительным мужчинам – некрасивым, старым, глупым и подлым. И Квинну. Но Бен казался ей мерзким. От воспоминаний о сексе с ним Лавчайлд мутило. Словно ее, как японскую мультяшку, трахнул инопланетный осьминог.

Ничего страшного, уговаривала она себя, твое тело – только инструмент. Так воспользуйся им, как следует. Сделай вид, что влюблена в Бена, что готова ради него на все... На все.

А ноющий палец на ноге отвечал ей: а ты сможешь ли?

И разум подсказывал, что не стоит спешить, лучше выждать еще немного, дожждаться, пока план созреет в мозгу, устроятся все риски провала. Но Лавчайлд не была уверена, что выдержит еще хотя бы неделю. Ночами, когда в тем-

ноте ее не могли видеть, она садилась на постели и тряслась в ужасе, успокаиваясь только тогда, когда ее ладонь касалась спрятанных под подушкой таблеток обезболивающего.

Ее билет на волю. Крохи надежды.

«Я еще молода, но уже не так свежа, как хотелось бы, и заточение без света меня лучше не сделало. А вода даст мне эту иллюзию.»

Бен сел на корточки у бортика и впился глазами в рассекающую водную гладь фигурку. Лавчайлд рассчитывала именно на это. У нее во рту таяли, смешиваясь со слюной, таблетки обезболивающего, запах тела растворялся в воде. Если пройдет достаточное количество времени, она знала, весь бассейн станет пахнуть, как она. Мощная ловушка. Конечно, ни один план не мог быть идеальным, но стоило попробовать.

Лавчайлд вынырнула из голубой глади и замерла у бортика, забросив на него локоть. Она молчала, но ее глаза приглашали Бена. И Лавчайлд знала, что, несмотря на запреты начальниц (а ему сделали выговор – если не можешь быть с пленницей нежен, не трогай ее), он не устоит. И впрямь – голова охранника дернулась, но он даже не обернулся, чтобы удостовериться, что их никто не застучает. Просто молниеносно разделся и нырнул к ней.

Фатальная ошибка.

Обычно Лавчайлд использовала химию, чтобы усилить

свой природный чарующий запах, но она и от природы действительно сумасводяще пахла... Да и химические элементы, въевшиеся в кожу, не успели выветриться до конца за краткий срок ее заключения.

Получив охранника в кольцо своих рук, Лавчайлд впиалась в губы Бена и они опустились на дно. Он сжал ее в объятиях... пока не почувствовал, что ему не хватает воздуха. Они всплыли на мгновение – ровно на то время, чтобы сделать краткий вдох.

Вода кружила их, свивающихся в объятиях, и Лавчайлд не отрывала своего рта от губ Бена, пока не поняла, что его хватка слабеет, а зубы устали от укусов. А потом Лавчайлд, оставаясь на плаву, надавила ладонями на плечи Бена, опуская его под воду... Он не сопротивлялся. Пузырики воздуха выходили из его точеного носа, из-за идеальных сочных губ, но мужчина не чувствовал, что еще нуждается в дыхании. Он улыбался, медленно моргая, и обожающе смотрел на свою Далилу. Так – с миром на лице – он и опустился на дно, когда дух покинул его тело. А Лавчайлд выбралась на кафель, показавшийся ей холодней, чем обычно. И ее стошнило. Желчь из пустого желудка обожгла раненые губы.

Потом девушка умылась и оделась. На несколько секунд замерла, опершись на раковину и глядя на себя в зеркало. Внутри у Ребекки все сжималось и перекручивалось. Страх неудачи.

– Давно тебя не было, – мрачно пробормотала Лавчайлд.

Она сама удивилась, откуда взялось это волнение, глупое и устаревшее. Девушка ухмыльнулась, когда почувствовала, что из рук исчезает дрожь, сердце замирает еще сильнее – но не в панике, а от предвкушения.

Ребекка взяла большой кусок мыла и, размахнувшись, ударила им в зеркало. Осколки брызнули на пол и в раковину. Лавчайлд прижала к одному из них, тому, что поострей, мыло и надавила, чтобы получилось своеобразное оружие с безопасной рукоятью. Потом девушка включила воду и вышла из ванной.

Лавчайлд испытывала небывалое воодушевление, от страха не осталось и следа. Впервые – здесь, в заточении – она вновь ощущала себя неотразимой, неостановимой и уверенной в себе.

Впервые она шла по коридорам убежища трех психопаток без закрученных за спину рук, без втыкающегося в затылок свистящего дыхания Бена. И вдруг бункер показался Лавчайлд жалким, игрушечным: любовник миз Брук посмеялся над ней, а она построила карточный домик, чтобы спрятать в нем свои страхи.

Какая наивность.

Текуче, словно позаимствовав пластику у воды, в которой только что была, Ребекка просочилась в лабораторию. Перед ней колыхалась дебелия спина Мишель, обтянутая дешевым искусственным шелком блузки.

– Привет, – промурлыкала Лавчайлд. Когда Мишель обер-

нулась, Ребекка полоснула ее лезвием по горлу. Блондинка хрипнула и повалилась на пол. Лавчайлд поежилась: она уже отвыкла от такой жестокости. Тем паче, творимой ее собственными руками.

Ребекка бросила осколок и мыло в раковину, включила воду, подошла к лабораторному столу и, не обращая внимания на труп под ногами, начала готовить какой-то... яд?

Она не стала бы использовать столь сильные выражения. О нет.

Лавчайлд рассказывала своим пленительницам рецепты духов, которые якобы использовала, и постаралась перечислить все рецепты, в состав которых входили бы нужные ей ингредиенты. Чтобы теперь, взяв щепотку одного, каплю другого, можно было сделать нужное зелье. В то же время Ребекка не расстроилась бы, если бы не получила всего необходимого: она собиралась пойти на акт милосердия, который жестокие женщины, собиравшиеся ее растерзать, вряд ли заслуживали. Кроме, быть может, одной.

Затем Лавчайлд спрятала флакончик между грудей и начала исследовать лабораторию на предмет того, что могло бы пригодиться в качестве оружия самообороны. Например, целый чан кислоты, стоявший в углу. Ребекка подумала, что даже не хочет думать, для чего он предназначен – уж не для нее ли? Не таким ли образом собирались сделать ее труп неопознаваемым?.. Покачав головой, девушка выкатила чан на середину помещения и, с помощью железных «вил» сняла

крышку. И тут ее окликнула миз Брук.

– Что ты здесь делаешь? – запинаясь, произнесла она. От страха у женщины начал пропадать голос. – Я сейчас вызову охрану.

Лавчайлд подбоченилась и улыбнулась.

– Здесь нет охраны. Больше нет. Бен мертв. Мишель, как видишь, тоже покинула наш мир. Но Аманда будет жить, не беспокойся, – Лавчайлд медленно приближалась к миз Брук, неотвратимая, суровая, как лавина. – Однако тебя, прости, пощадить не могу. Нет пощады той, намеревалась попользоваться мною, а потом убить.

Ребекка навалилась на противницу, как медведица. Миз Брук от ужаса совершенно онемела и одеревенела, ее руки уперлись в плечи Лавчайлд, но почти мгновенно обмякли, и Ребекка, словно паучиха, поволокла жертву к чану. Схватила за волосы, ткнула в едкую жидкость почти самым лицом.

– Нет! – прохрипела миз Брук, и Лавчайлд даже пожалела, что женщина не кричит. Какой-то частью своей души ей хотелось, чтобы Аманда услышала, прибежала и увидела, как ее мать падает в чан с кислотой.

– Знаешь, что это? – злобно прошипела Лавчайлд, чувствуя, как по ее телу растекается сладость вершащейся мести. Еще одно полузабытое чувство. – Кислота, а также змеиный яд и желудочный сок венериной мухоловки. Вы сами достали это для меня.

Ребекка втолкнула миз Брук в чан.

– Ах да, забыла сказать. Так проявляется мое милосердие. В обмен за еду и платье. Ты переваришься быстро.

Миз Брук глухо застонала, так что ее голос едва оказался слышен. Какая-то часть ее разума еще пыталась быть рациональной, командуя: нельзя, чтобы эта дрянь попала в рот! Но кислота все равно уже проникла внутрь через ноздри и уши. Миз Брук не чувствовала боли лишь потому, что ее мозг уже был поражен.

– Спасибо современным технологиям, верно?

Лавчайлд держала миз Брук за ноги, пока на бедре той не перестал чувствоваться пульс. Потом резко отпустила и отпрыгнула от чана, не желая видеть, во что превратился труп миз Брук. Глухие стуки, последовавшие за тем, звук капель и финальный влажный «шлеп» подтвердили, что да, мстительнице лучше не оборачиваться. Тело – то, что от него осталось – сползло с края чана и грудой лежало теперь на полу. Ребекке хватало и того, что она чувствовала. Если миз Брук (и ее муж) свыклись с тем, как омерзительно она пахла, то им следовало бы сравнить с той вонюю, что миз Брук распространяла теперь. Даже для трупа это были поразительно мерзкие миазмы.

Несмотря на то, что третье убийство было гораздо более жестоким, чем первые два, Лавчайлд не чувствовала ни стыда, ни страха. Это была истинная месть – чистая настолько, что почти равная искусству.

А потом настал черед последней из тройки гарпий.

Аманда принимала душ. Когда она вытерлась насухо махровым полотенцем и надела платье, то увидела позади себя Лавчайлд – смутное отражение в запотевшем зеркале. Неподвижное и безмолвное пятно в мутном стекле. Девушка обернулась, предчувствуя беду, но Ребекка не шелохнулась, когда их взгляды встретились.

– Ты хочешь меня убить? – срывающимся голосом пролепетала Аманда. Как и мать, она до смерти испугалась и потеряла волю к сопротивлению.

– Нет. Ты была ко мне добра. И я к тебе буду, – с мрачным лицом пообещала Лавчайлд. А потом ударила Аманду сначала под дых, а потом по лицу, так что девушка рухнула на мокрый кафель без чувств. Из носа у нее потекла кровь.

«Ерунда, переживет.»

Лавчайлд подхватила Аманду под мышки и поволокла наружу. На выходе все оказалось гораздо проще, чем она предполагала: дверь бункера не замыкалась на какой-то хитроумный замок, не требовала проверки сетчатки глаза или отпечатков пальцев. Ребекка отперла дверь найденным в вещах Аманды ключом и на несколько мгновений замерла, с наслаждением вдыхая воздух свободы... Но пока было нельзя со всех ног проситься прочь. Девушка, не особенно миндальничая, вытащила Аманду на траву, присела на корточки перед нею и достала из лифчика флакон. Провела рукой по волосам обморочной бедняжки.

Бедная, милая Аманда, единственная, кто проявил дру-

желюбие к пленнице! Ребекка улыбнулась, глядя на расprostертую у ее ног девушку с разбитым носом. Ровно в той же степени, в какой была добра Аманда, Лавчайлд готова сама проявить к ней милосердие. Ребекка села на корточки, повертела в повлажневших пальцах пипетку.

– Прости, крошка, тебе больше не учить стихов и не цитировать Шекспира наизусть. Но лоботомия была бы для тебя большей трагедией, уж поверь.

Три янтарные капли втекли в ухо девушки.

Лавчайлд вернулась внутрь еще раз – включила воду в бассейне, заблокировав слив, и уже после этого покинула бункер. Девушка пошла по дороге, спотыкаясь, с удовольствием вдыхая чистый воздух вперемешку с пылью. Она знала, куда придет. Эта дорога вела к трущобам.

Эпилог

И чем же все закончилось? Лавчайлд прошла через трудности и вернулась в город. Она вызвала полицию и медицинскую службу из дома Макса, старого друга. Аманду нашли возле бункера. Девушка полностью потеряла память и несколько тронулась рассудком. Ее признали невменяемой, но виновной в смерти брата, матери и подруги. По решению суда она оказалась помещена в психиатрическую лечебницу.

Макс не потерял связи с Лавчайлд и вскоре перебрался в город. Он до сих пор занят полуправильным бизнесом, довольно богат и счастливо женат. С Лавчайлд их связывают исключительно деловые отношения.

Квинн не смог забыть Лавчайлд, развелся с женой и потихоньку спивается, разбазаривая все имеющиеся деньги. Порой его навещает Саммерс. Они кое-как влачат отношения, без обязательств занимаются сексом. Квинн так и не задумался о своих ошибках.

Лавчайлд немного изменила внешность и полностью изменила запах. Она продолжает работать на уже известном ей поприще, подобно Мате Хари. О прошлом она без труда – уже в который раз – забыла.

Гарольд Янг отказался от наследства в пользу брата. Свою девушку из снов – Лавчайлд – он так никогда и не нашел.

15 декабря 2012